633.(2)5
Р-63

Н. Рожковъ.

И
№ 20131

СУДЬБЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 19

СПБ.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВѢКЪ".
1907.

ОТКУДА ВЗЯТО НАЗВАНИЕ

ОТМЕТКИ БИБЛИОТЕКИ,
ОЛНЯЮЩЕЙ ЗАКАЗ

тек региона при перенаправлении
заказа по координации

50184

№№ абонента

Автор

Название

63.3(2)5
Р-63
80
1987
ПРОВЕРЕНО 1939 г.
9(47)8 „1905"
Р63
1965
1953
9.1

Н. Рожковъ.

СУДЬБЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Инв. № 50131
3451
ПРОВЕРЕНО ПЕРЕУЧЕТ 1935 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВѢКЪ".

СПБ.
1907.

1941

Электропечатня Я. Левенштейна, Екатеринг., 10—19.

ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 1933 Г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не исторію революціи пишу я: для этого не настало еще время, и не собраны матеріалы. И не мемуары также: тогда слѣдовало бы разсказывать лишь о томъ, чему я былъ свидѣтелемъ, въ чемъ принималъ непосредственное участіе. Моя задача—задача публициста, старающагося понять явленія общественной жизни и намѣтить пути для рѣшенія общественныхъ вопросовъ. Я хочу обнять единымъ взглядомъ великую борьбу за освобожденіе, осмыслить ея отдѣльные моменты, понять общій ходъ и предугадать вѣроятный исходъ. Попытка обобщенія сближаетъ этотъ планъ съ задачей историка. Непосредственныя наблюденія создаютъ элементъ, свойственный воспоминаніямъ современника и очевидца. Попытка отвѣта на жгучіе вопросы объединяетъ все это и представляетъ собой итогъ работы.

Я не могъ и не могу смотрѣть на русскую революцію иначе, какъ сквозь призму своихъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій. Отречься отъ нихъ значило бы отказаться отъ собственной личности, совлечь съ себя тѣ индивидуальныя особенности, которыя мнѣ свойственны, устранить то, что выработано всей предшествующей моей жизнью. Но мои политическія убѣжденія тѣсно, неразрывно связаны съ опредѣленной научной теоріей. Они сложились въ связи съ этой теоріей и вырабатывались и крѣпли посте-

пенно по мѣрѣ того, какъ она усвоивалась длиннымъ и труднымъ путемъ. И увѣренность въ вѣрности и прочности теоретическихъ взглядовъ, не метафизическихъ, не оторванныхъ отъ дѣйствительности, обобщающихъ жизненныя явленія, даетъ основаніе вѣрить и въ правильность пониманія хода великихъ событій, свидѣтелями и участниками которыхъ мы являемся, и въ то, что политическія убѣжденія въ данномъ случаѣ не ведутъ къ искаженію истины. Научное истолкованіе общественныхъ явленій лежитъ въ основѣ этой книжки.

Въ мои задачи не входилъ фактическій разсказъ. Обобщеніе, пониманіе цѣлаго и его основныхъ моментовъ—вотъ къ чему я стремился. Если даже я часто и ошибался, — виноватъ въ этомъ, конечно, я, а не теорія, мною исповѣдуемая. Но истина этой теоріи даетъ мнѣ надежду, что въ моей книжкѣ есть кое что, заслуживающее обсужденія и вниманія. Безъ этой надежды я, конечно, не выпустилъ бы книжки въ свѣтъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе революціи.

I.

Какъ произошла русская революція? Какими причинами она была создана? Дать себѣ ясный и полный отчетъ въ этомъ, значитъ разрѣшить задачу наполовину. Основъ для такого отчета мы должны искать, конечно, прежде всего въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній.

Если древнѣйшая экономическая исторія Россіи многими своими чертами напоминаетъ соотвѣтствующіе процессы въ исторіи разныхъ странъ европейскаго запада, ничѣмъ существеннымъ отъ послѣдней не отличаясь *), то это далеко нельзя сказать объ исторіи Россіи новой, вышедшей уже изъ рамокъ натуральнаго, замкнутаго, почти совершенно-безобмѣннаго хозяйства. Здѣсь были свои—и притомъ весьма крупныя—особенности, научное объясненіе которыхъ даетъ возможность понять происхожденіе и значеніе нѣкоторыхъ основныхъ общественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ русской дѣйствительности.

Въ экономической литературѣ принято обыкно-

*) См. объ этомъ мою статью «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи», напечатанную первоначально въ журналѣ «Жизнь» за 1900 годъ, а потомъ перепечатанную въ сборникѣ моихъ статей, изданномъ подъ заглавіемъ «Историческіе и соціологическіе очерки», часть 1-я.

венно расширять до чрезвычайности хронологическія рамки періода натуральнаго хозяйства. Черезчуръ расширительно толкуютъ при этомъ и самое понятіе „натуральнаго хозяйства". Въ этомъ смыслѣ говорятъ, напр., о господствѣ натуральнаго хозяйства въ крѣпостническую эпоху, въ эпоху крѣпостного права. Между тѣмъ утверждать это—значитъ безнадежно смѣшивать эпоху дѣйствительно-натуральнаго хозяйства съ періодомъ хозяйства денежнаго, мѣноваго, товарнаго, но до-капиталистическаго,—такого хозяйства, въ которомъ *значительныя* массы населенія втянуты уже хотя бы *отчасти* въ товарное обращеніе, и капиталъ проникъ уже въ сферу обмѣна, захвативъ ее въ свои руки и оставляя пока внѣ своего вліянія только сферу производства хозяйственныхъ благъ. Это денежное до-капиталистическое хозяйство отличается, слѣдовательно, и отъ предшествующаго и отъ слѣдующаго періодовъ. Отъ предшествующаго оно отличается тѣмъ, что пріобщаетъ къ обмѣну продукты хозяйственной дѣятельности извѣстной, значительной части народныхъ массъ, заставляетъ ихъ продавать и покупать. Отъ слѣдующаго—тѣмъ, что, во-первыхъ, не весь народъ, а только болѣе или менѣе значительная его часть втягивается въ мѣновой оборотъ, во-вторыхъ, и эта часть втягивается въ него далеко не цѣликомъ, а лишь въ извѣстной мѣрѣ, въ третьихъ, производство остается мелкимъ, некапиталистическимъ

Такой періодъ денежнаго до-капиталистическаго хозяйства начался въ западно-европейскихъ странахъ приблизительно въ XII—XIII столѣтіяхъ. У насъ въ Россіи онъ сталъ слагаться около половины XVI вѣка.

Но здѣсь между Россіей и западной Европой обнаружилось различіе чрезвычайной, первостепенной важности.

На западѣ переходъ къ денежному хозяйству совершился съ большой постепенностью и медленностью и выразился прежде всего въ томъ, что каждая страна разбилась на рядъ замкнутыхъ въ экономическомъ отношеніи небольшихъ округовъ, имѣвшихъ въ центрѣ торговый городъ, къ которому и тянулъ весь округъ, гдѣ шла такимъ образомъ торговля продуктами. Одна область не торговала съ другой,—напротивъ, ограждалась отъ нея высокой стѣной таможенныхъ пошлинъ. То былъ, выражаясь въ терминахъ Бюхера *), періодъ „городского“ хозяйства, который лучше всего было-бы назвать періодомъ денежнаго хозяйства, разсчитаннаго на небольшой, узкій мѣстный рынокъ.

Это было понятно: вѣдь пути сообщенія были крайне плохи, большіе переѣзды, длительные перевозки товаровъ были до чрезвычайности опасны. Потому товаръ, если провозить его на большое разстояніе, слишкомъ сильно дорожалъ и не находилъ покупателя. Чтобы преодолѣть эти препятствія, понадобилось три или четыре столѣтія, и только въ XVI вѣкѣ узкій мѣстный рынокъ началъ смѣняться сбытомъ, разсчитаннымъ на обширную территорію,—денежное хозяйство стало національнымъ, чтобы затѣмъ превратиться въ міровое **).

Не то наблюдаемъ мы въ Россіи. Конечно, у насъ въ XVI в. дороги были не лучше, если не хуже, чѣмъ въ Европѣ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, но за то у насъ были лѣтомъ—превосходные, необыкновенно многочисленные и полноводные рѣчные пути, а зимой

*) Die Entstehung der Volkswirtschaft.

**) Этотъ интересный процессъ съ блестящей наглядностью, большой глубиной и замѣчательной эрудиціей разъясненъ тов. М. Н. Покровскимъ въ его статьѣ о хозяйствѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ въ «Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ», изд. подъ ред. г. Виноградова, вып. 4-й.

еще болѣе важный для товарнаго обращенія путь санный. Англичане, въ XVI в. посѣщавшіе Россію, недаромъ удивлялись быстротѣ и легкости, съ какими перевозились зимой товары на огромныя разстоянія. И потому русскій внутренній рынокъ для отдѣльныхъ торговыхъ центровъ былъ въ XVI—XVII вѣкахъ несравненно обширнѣе, чѣмъ рынокъ для образовавшихся въ XII—XIII вѣкахъ замкнутыхъ мелкихъ округовъ на западѣ: первый охватывалъ территорію, очерчивавшуюся радіусомъ 150, 200, иногда 300, въ отдѣльныхъ случаяхъ (Москва) даже въ 500 верстъ, радіусъ территоріи второго не превышалъ сначала 15—20 верстъ. Конечно, изолированность рынковъ и у насъ была, но она была меньшей, чѣмъ на западѣ, и болѣе скоропреходящей.

Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному всегда и вездѣ тяжекъ. Это—глубокій и острый кризисъ, переживаемый народно-хозяйственной жизнью. Старыя основы хозяйства, подгнившія уже раньше и колебавшіяся, падаютъ, рушатся, и на мѣсто ихъ выдвигаются другія, новыя. Процессъ этотъ, всегда болѣзненный, превращается въ настоящій рѣзкій переломъ тогда, когда онъ протекаетъ съ особенной быстротой и интенсивностью. Такъ это и случилось въ Россіи. Эта быстрота и сила развитія—очень важная и богатая послѣдствіями наша особенность.

Чтобы справиться съ переходомъ къ денежному хозяйству, общество смыкается въ рѣзко очерченныя сословія, которыя совокупными усиліями своихъ членовъ сообща справляются съ тяжелой очередной задачей времени. Эта сословность рѣзко и отчетливо обозначилась и утвердилась на западѣ въ XII, XIII и послѣдующихъ вѣкахъ вплоть до XVIII-го. Неразлучима съ ней была и другая черта соціальнаго строя—крѣпостничество. Его задача заключалась также въ

спайкѣ отдѣльныхъ общественныхъ элементовъ въ группы тѣсно сплоченныя и вмѣстѣ принудительно связанныя одна съ другой. Но постепенность и медленность хозяйственныхъ перемѣнъ на западѣ создавали не упроченіе, а смягченіе крѣпостничества. Такъ какъ замкнутую экономическую область надо было обслужить въ достаточной мѣрѣ и вмѣстѣ безъ избытка рабочими силами, то отсюда и получилось прикрѣпленіе крестьянъ *къ землѣ* безъ права ихъ ухода, а также и безъ права землевладѣльца сгонять ихъ или отчуждать безъ земли. Этому соотвѣтствовала цеховая и гильдейская регламентація въ городскихъ ремеслѣ и торговлѣ.

И у насъ въ XVI—XVIII вв. сословность была не меньшая чѣмъ на западѣ. Но быстрота и напряженность хозяйственнаго процесса повели къ необычайной силѣ и рѣзкости крѣпостного права: крѣпостнымъ болѣе, чѣмъ на западѣ, стало все общество сверху донизу, и крестьянство было прикрѣплено не къ землѣ, а къ личности землевладѣльца, съ правомъ послѣдняго отчуждать крѣпостного человѣка безъ земли. Такъ хозяйственная особенность породила и соціальное своеобразіе.

Тоже обнаружилось, наконецъ, и въ области политической жизни. И на западѣ для постановки и организаціи денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ понадобилась единая и сильная абсолютная власть монарха: Тюдоры XVI в. и Стюарты XVII-го съ ихъ предшественниками XV столѣтія въ Англіи, Бурбоны съ Генриха IV до Людовика XV во Франціи и имъ подобные деспоты Германіи и Италіи въ XVIII столѣтіи служитъ тому доказательствомъ. Наше россійское самодержавіе было еще болѣе крѣпко и сильно, чѣмъ даже во Франціи, не говоря уже объ Англіи; оно сложилось и окрѣпло какъ разъ между по-

ловиной XVI и половиной XVII в. и усилилось и развилось позднѣе—въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, т.-е. какъ разъ въ то время, когда первоначально существовавшее натуральное хозяйство почти сразу, безъ сколько-нибудь длительнаго промежутка, безъ связующаго звена въ видѣ „городского“ хозяйства, стало переходить въ денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ. Произвести этотъ сложный и трудный переходъ, гораздо болѣе трудный, чѣмъ на западѣ, Россія могла, только вооружившись гигантской сосредоточенной силой гипертрофированнаго самодержавія *).

Быстрота и бурность экономическаго развитія, сила сословности и крѣпостничества, гипертрофія самодержавія—вотъ что завѣщано было прошлымъ такъ называемой пореформенной Россіи,—Россіи второй половины XIX вѣка.

II.

Въ результатѣ получилась огромная объединенная, богатая территорія и быстро растущее населеніе. При такихъ естественныхъ задаткахъ неудивительно, что когда въ народно-хозяйственную жизнь властно вторгнулся промышленный капитализмъ,—процессъ экономическаго развитія продолжалъ совершаться по прежнему необычайно-быстрымъ темпомъ. Въ теченіе 30-ти лѣтъ—съ 60-хъ по 80-е годы XIX в. Россія пережила съ головокружительной быстротой самую тяжелую пору развитія промышленнаго капитализма—періодъ первоначальнаго накопленія. Одно поколѣніе совершило у насъ такую грандіозную работу, для ко-

*) См. Обо всемъ этомъ мои книги «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.» и «Происхожденіе самодержавія въ Россіи».

торой въ западно-европейскихъ странахъ понадобились два, иногда три поколѣнія.

Соціальныя отношенія и политическія формы не поспѣли за этими грандіозными перемѣнами въ хозяйствѣ. Сословность, крѣпостничество и чистое самодержавіе въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи отошли въ прошлое ко времени наступленія періода первоначальнаго накопленія, замѣнившись начавшимся классовымъ расчлененіемъ общества, гражданской (далеко однако не политической) свободой и фикціей конституціонализма въ видѣ англійскаго парламента до 1832 года, французскихъ палатъ до 1848 г., германскихъ и итальянскихъ псевдо-свободныхъ учрежденій до конца 60-хъ годовъ. У насъ въ Россіи было уничтожено только крѣпостничество (въ юридической сферѣ), уцѣлѣли сословность, и сохранилось самодержавіе. Послѣднее только приспособилось къ новымъ условіямъ, оказалось достаточно сильно и живуче, чтобы найти для себя въ прибавокъ къ старой еще новую соціальную опору, выразить интересы не одного лишь стараго крѣпостническаго хищничества, но и хищничества новаго, капиталистическаго. Помѣщикъ-крѣпостникъ, ведшій въ своихъ латифундіяхъ кабальное—отработочное или испольное—хозяйство по прежнему оставался опорой трона. Но эту честь оспаривалъ у него ловкій биржевой, промышленый и коммерческій дѣлецъ, грюндеръ, наживавшійся на концессіяхъ, подрядахъ, поставкахъ, гарантіяхъ, субсидіяхъ, преміяхъ, аžіотажѣ. Такъ на обильно удобренной кровью и потомъ народныхъ массъ почвѣ первоначальнаго накопленія расцвѣли махровые цвѣты самой грубой беззастѣнчивой и необузданной эксплуатаціи

Эта эксплуатація создавала для правящихъ хищниковъ великія и богатыя милости. Но она болѣе или

менѣе больно отражалось на другихъ общественныхъ классахъ,—болѣе культурной части богатой торгово-промышленной буржуазіи, представителяхъ сельско-хозяйственнаго капитализма, мелкой городской буржуазіи пролетаріатѣ и крестьянствѣ.

По отношенію къ первому изъ этихъ классовъ—торгово-промышленной буржуазіи—можно говорить не столько о болевыхъ сколько просто о непріятныхъ, раздражающихъ ощущеніяхъ. Чувствуя свою реальную силу, заявляя устами своихъ представителей, что „купечество все можетъ", крупная буржуазія, постепенно переходившая уже отъ первоначальнаго накопленія къ накопленію капиталистическому, на каждомъ шагу ощущали чиновничью опеку и бюрократическую рутину и потому испытывали досаду и недовольство. Недовольство это кристаллизовалось въ сколько-нибудь опредѣленную форму крайне умѣреннаго конституціонализма тогда, когда правительство, зарвавшись покровительствомъ хищникамъ всякаго рода, затѣяло манчжурско-корейскую авантюру и тѣмъ нанесло дѣйствительно весьма чувствительный ударъ русской торговлѣ на дальнемъ востокѣ: русско-японская война надолго и сильно подорвала эту торговлю, сильно ударила по карману богатую торговую и промышленную буржуазію и такимъ образомъ перевела ее въ ряды оппозиціи.

Длительнѣе, сильнѣе и острѣе было оппозиціонное настроеніе представителей капиталистическаго землевладѣнія и сельскаго хозяйства, составлявшихъ главный контигентъ культурныхъ земцевъ (второго элемента въ земствѣ: первый—населеніе, третій—наемные земскіе служащіе). Финансовая политика правительства, выражавшаяся въ промышленномъ протекціонизмѣ, естественномъ въ эпоху первоначальнаго накопленія и сопровождавшемся самыми крайними

эксцессами покровительства не промышленности, а промышленникамъ, — эксцессами, задерживавшими развитіе капитализма, — очень дурно отражалась на интересахъ раціональнаго сельскаго хозяйства уже тѣмъ однимъ, что приводила къ высокому таможенному обложенію сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій и искусственнаго удобренія. Запретительные тарифы на продукты заграничной индустріи приводили къ таможеннымъ войнамъ, во всякомъ случаѣ къ затрудненіямъ въ экспортѣ хлѣба. Это также больно отражалось на капиталистическомъ земледѣліи. Правда, отъ этого страдало и земледѣліе крѣпостническое, также въ огромномъ количествѣ вывозившее хлѣбъ заграницу, и потому правительство всегда выражавшее интересы обладателей крѣпостнически-эксплуатируемыхъ латифундій, заботливо смягчило это зло, введя конвенціонные тарифы, облегчавшіе условіе обложенія иностранныхъ товаровъ и открывавшіе просторъ для болѣе свободнаго вывоза русскаго хлѣба. Но зато государственный поземельный кредитъ черезъ посредство Дворянскаго банка былъ весь къ услугамъ не помѣщиковъ-капиталистовъ, а помѣщиковъ-крѣпостниковъ, а мелочная и придирчивая опека центра надъ органами мѣстнаго самоуправленія давила и раздражала опять таки представителей капиталистическаго земледѣлія, игравшихъ первыя роли въ земскихъ учрежденіяхъ.

Мелкая городская буржуазія—это мелкій торговецъ и содержатель ремесленной мастерской. Подъ этотъ типъ, какъ совершенно вѣрно указывается *), подходитъ и профессіональная интеллигенція—врачи, адвокаты, инженеры, профессора, учителя, литераторы. Сюда примыкаютъ отчасти и полупролетарскіе слои,

*) Въ статьѣ тов. Д—ге въ газетѣ «Борьба».

состоящіе изъ неудачниковъ въ указанныхъ сейчасъ группахъ и особенно изъ приказчиковъ, конторщиковъ и иного наемнаго люда, къ которому надо причислить также народныхъ учителей, земскихъ статистиковъ и вообще такъ называемый третій элементъ въ земствѣ. Для всей этой мелкобуржуазной массы самодержавіе крѣпостниковъ и хищниковъ съ уступками крупной буржуазіи было гораздо горше и солонѣе, чѣмъ для земцевъ. Здѣсь существовали уже совершенно опредѣленныя *демократическія* тенденціи съ неясно намѣчавшимися порой симпатіями къ соціализму, съ колебаніями и раздвоенностью, съ мучительнымъ анализомъ и горькимъ недоумѣннымъ раздумьемъ, съ резиньяціей и тоской, нашедшими себѣ столь яркое и высокохудожественное выраженіе въ литературной дѣятельности Чехова.

Крестьянство, съ вдвое уменьшившимся послѣ освобожденія надѣломъ, закабаленное отработками и испольщиной, раззоренное крѣпостничествомъ и капитализмомъ, изнемогавшее подъ тяжестью податей и ферулой земскихъ начальниковъ, голодное всегда и иногда прямо умиравшее съ голоду, не могло дышать и жить въ душной атмосферѣ стараго режима и глухо, стихійно, но грозно волновалось.

Но ни одинъ классъ не ощущалъ такъ остро, какъ пролетаріатъ, непримиримое противорѣчіе стараго порядка своимъ интересамъ. Старый порядокъ не давалъ никакой возможности съорганизоваться въ профессіональные союзы и политическую партію, не допускалъ планомѣрной, систематической классовой борьбы, держалъ рабочихъ въ черномъ тѣлѣ, въ полной необезпеченности и нищетѣ. Борьба съ самодержавіемъ непримиримая, упорная, жестокая, смертный бой съ нимъ былъ необходимостью для рабочаго класса, и рано или поздно необходимость эта должна была быть со-

знана и осуществлена въ дѣйствительности, потому что самодержавіе по самой своей классовой подкладкѣ *не могло* дѣйствовать иначе, чѣмъ оно дѣйствовало.

III.

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о хозяйственной и соціальной подготовкѣ революціи и отчасти о тѣхъ общественныхъ настроеніяхъ, которыя создавались на этой почвѣ. Но давно уже къ *настроеніямъ* стало присоединяться *сознаніе*, начала, слѣдовательно, работать политическая мысль, нерѣдко переходившая и въ политическое, революціонное, направленное къ ниспроверженію стараго строя дѣйствіе. Необходимо немногими основными чертами обозначить этотъ важный и сложный, требующій еще ряда спеціальныхъ изслѣдованій процессъ.

Политическое сознаніе впервые стало слагаться въ культурныхъ слояхъ помѣстнаго дворянства. Проявившись сначала въ отдѣльныхъ, единичныхъ, индивидуальныхъ исключеніяхъ, вродѣ Новикова и Радищева, это сознаніе здѣсь же нашло и первое свое выраженіе въ дѣйствіи—въ декабристахъ.

Исторія декабристовъ перестала теперь быть для насъ запретнымъ плодомъ, закрытой книгой. Легенда, сложившаяся было около нихъ благодаря окутывавшей ихъ бюрократической тайнѣ, потускнѣла и разсѣялась. Мы знаемъ теперь, какъ ясно сказалась у декабристовъ ихъ классовая подкладка. Отмѣтимъ только здѣсь, въ дополненіе къ тому, что читатель можетъ найти по этому поводу въ книжкѣ тов. Левина *), заговорщицкій, не массовый характеръ дви-

*) «Декабристы»—въ изд. «Колокола».

женія, отсутствіе самаго понятія о массовомъ движеніи и утопическій планъ произвести политическій переворотъ, когда не совершенъ былъ еще переворотъ соціальный,—одновременно съ послѣднимъ. Все это и многое другое весьма характерно для политическаго диллетантизма декабристовъ, вполнѣ естественнаго на зарѣ политическаго сознанія представляемаго ими класса.

Тридцатые, сороковые и пятидесятые годы породили зародыши многихъ будущихъ политическихъ партій. Особенно важное значеніе имѣетъ здѣсь система оффиціальной народности, славянофилы, западники, Герценъ и Лавровъ.

Система оффиціальной народности—историческій прецедентъ современныхъ черносотенныхъ партій и союзовъ. Ея сущность опредѣляется знаменитой тріалой „самодержавіе, православіе и народность", причемъ подъ народностью разумѣлось крѣпостное право. Оцѣнка положенія выразилась въ знаменитой фразѣ Бенкендорфа: „прошлое Россіи блестяще, настоящее—прекрасно, будущее—выше всякихъ ожиданій". Общественная философія исчерпывалась увѣренностью въ вѣчности существующаго строя и квасным патріотизмомъ.

Система оффиціальной народности была рѣдкимъ по цѣльности, прямымъ и грубымъ выраженіемъ самаго элементарнаго эгоизма правящихъ классовъ. Наряду съ нимъ было, однако, еще другое выраженіе того же эгоизма, болѣе тонкая и сложная, но психологически родственная первому. Въ основѣ славянофильства, при всемъ его отрицательномъ отношеніи къ крѣпостному праву, неудивительномъ именно потому, что въ то время послѣднее переставало уже соотвѣтствовать потребностямъ раціональнаго сельскаго хозяйства,—лежалъ тотъ же элементарный классовый

эгонизмъ, принявшій только смягченную форму сентиментальной маниловщины. Идейные предшественники славянофиловъ—Карамзинъ и Жуковскій—были сентименталистами *) до мозга костей, что̀ не мѣшало а напротивъ, помогало имъ быть свирѣпыми мракобѣсами; развѣ не лучше, не спокойнѣе выбросить жалкую подачку, ничего не стоющую для выбрасывающаго, и подсластить ее еще слезой умиленія, чѣмъ бить прямо кулакомъ по лицу? Такъ же дѣйствовали въ сущности и славянофилы. Наблюдая славянофиловъ, невольно рисуешь себѣ въ перспективѣ не только сентиментально-приличную фигуру г. Шипова съ его „мирнымъ обновленіемъ“, но и внушительный жестъ г. Гучкова въ пользу скорорѣшительныхъ судовъ: Изъ трехъ китовъ стараго строя славянофилы не отбросили, а иначе истолковали только одинъ,—народность, превратившуюся у нихъ изъ крѣпостного права въ славянскую „самобытность“, и оставили въ своей неприкосновенности и самодержавіе, и традиціонное православіе. Община и артель впервые нашли своихъ апологетовъ именно среди славянофиловъ.

Западничество противопоставило славянофильству идеалы западной культуры. И оно и славянофильство вышли изъ одного источника—изъ идей Чаадаева, отдѣльные элементы которыхъ дифференцировались. И этотъ общій источникъ—не случайность: въ сущности оба теченія представляли собою разновидности именно дворянской, барской идеологіи. Западники съумѣли только отбросить сентиментализмъ славянофиловъ, посмотрѣли на свое положеніе съ точки зрѣнія холоднаго разсудка и усвоили себѣ идею космополитическаго конституціонализма, очень умѣреннаго,

*) Это теперь—послѣ труда Александра Васильевича—надо считать прочно установленнымъ по отношенію къ Жуковскому.

Инв. — 3457

дворянски-привиллегированнаго, англійскаго (до реформы 1867 г.). За западниками въ перспективѣ видѣются современные мирнообновленцы изъ лѣвыхъ и правые кадеты.

Среди западниковъ были, однако, гиганты, исключительныя личности, бѣлые вороны своего рода. Они геніальнымъ, вдохновеннымъ порывомъ провидѣли грядущее и впервые въ Россіи написали на своемъ знамени великое слово „соціализмъ". Таковъ былъ Герценъ.

Имя Герцена захватано теперь всякаго рода политическими іезуитами и религіозно-философскими мистиками, старающимися подкрѣпить себя духовнымъ родствомъ съ этимъ высокимъ авторитетомъ. Наши кадеты не прочь считать его въ числѣ своихъ идейныхъ предшественниковъ. Но онъ шелъ дальше ихъ: онъ былъ дѣйствительнымъ, убѣжденнымъ, непритворнымъ соціалистомъ, чуждымъ всякихъ виляній, увертокъ и сомнѣній. Но и онъ не былъ въ состояніи выйти изъ рамокъ того класса, къ которому принадлежалъ. И потому онъ былъ утопистъ: онъ вѣрилъ, что русскій мужикъ по природѣ своей соціалистъ и самопроизвольно понесетъ свѣтъ соціалистической истины міру.

Эту вѣру раздѣлялъ съ Герценомъ и Лавровъ. Она же лежала въ основѣ міросозерцанія землевольцевъ, народниковъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, родоначальникомъ которыхъ былъ Чернышевскій, и позднѣйшихъ соціалистовъ-революціонеровъ. Землевольцы почти совершенно игнорировали политическую сторону дѣла. Они вѣрили, что когда крестьянство возьметъ землю и устроитъ свои вольные общины на ней,—тогда приложится сама собой новая политическая надстройка. Поэтому революціонную свою задачу они понимали исключительно въ смыслѣ хожденія въ народъ для

пробужденія въ немъ свойственнаго ему соціалистическаго сознанія.

Землевольцами начинается новая соціальная полоса русскаго революціоннаго движенія,—полоса разночинческая, мелкобуржуазная, смѣнившая собою старое дворянское идейное теченіе. Соціализмъ сталъ основнымъ мотивомъ этого новаго періода въ развитіи революціонной мысли и, какъ всякій мелкобуржуазный соціализмъ, это былъ соціализмъ утопическій. Онъ видитъ въ крестьянскомъ „мірѣ“ и въ артели желательный типъ общественной структуры и во что бы то ни стало стремился сохранить его, минуя капитализмъ со всѣми ужасами и жертвами, сопровождающими его поступательное движеніе особенно на первыхъ порахъ.

Жизнь нанесла рядъ тяжелыхъ, непоправимыхъ ударовъ „Землѣ и Волѣ“. Хожденія въ народъ убѣдили въ горькой истинѣ, что русскій мужикъ—вовсе не такой прирожденный соціалистъ, какъ казалось издали. Что же было дѣлать? Куда должна была повернуть интеллигентская, мелкобуржуазная, разночинческая революціонная мысль?

Поворотъ для нея давно указанъ былъ Ткачевымъ. Ткачевъ давно говорилъ и писалъ, что русскій мужикъ — не соціалистъ, но его нужно сдѣлать соціалистомъ и можно это сдѣлать путемъ пропаганды и агитаціи; а такъ какъ этой пропагандѣ и агитаціи мѣшаетъ правительство, то террористическая борьба съ этимъ правительствомъ и составляетъ очередную, насущную задачу революціонной борьбы. Отъ соціальнаго, аполитическаго движенія получался такимъ образомъ переходъ къ движенію чисто-политическому. Идеи Ткачева всецѣло усвоилъ и съ необычайной талантливостью и энергіей примѣнилъ къ жизни Же-

лябовъ со своими товарищами. „Земля и Воля“ превратилась въ „Народную Волю“.

Народовольцы трагически и героически погибли въ началѣ 80-хъ годовъ. Сломить терроризмомъ силу самодержавія имъ не удалось. Но ихъ взгляды, какъ и взгляды землевольцевъ, впослѣдствіи, амальгамировавшись съ нѣкоторыми марксистскими идеями, возродились въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Въ то самое время, какъ вела свою титаническую борьбу Народная Воля, зрѣло и слагалось послѣднее теченіе русской интеллигентской мысли — марксизмъ. Оно выразилось сначала въ „чернопередѣльчествѣ“, отрицавшемъ крайній политическій характеръ народовольческаго движенія и выдвигавшемъ на первый планъ соціальную задачу чернаго передѣла. Чернопередѣльцы создали почву для „экономистовъ“, сводившихъ почти все къ профессіональной организаціи и массовой стачечной агитаціи. Въ противовѣсъ экономистамъ выдѣлилась группа Освобожденія труда и стоявшія съ ней въ связи организаціи внутри Россіи. Въ 1898 г. сложилась единая россійская соціалдемократическая рабочая партія. Экономическій матеріализмъ и классовая точка зрѣнія стали основой этого новаго теченія въ русской мелкобуржуазной интеллигенціи. Русская соціалдемократія, подобно соціалдемократіи международной, ясно и опредѣленно стала на точку зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата. Въ русской общественной мысли получилъ права гражданства научный соціализмъ. Значительная часть мелкобуржуазной интеллигенціи усвоила себѣ пролетарское міросозерцаніе.

IV.

Но для того, чтобы сопровождаться реальными послѣдствіями въ общественной жизни, русская революціонная мысль должна была оплодотворить собою массовое сознаніе. Будучи умственнымъ достояніемъ мелкой буржуазіи, она должна была претвориться въ синтезъ чувствъ и мыслей пролетаріата и крестьянства. Это было до извѣстной степени достигнуто развитіемъ рабочаго и крестьянскаго движенія.

Стачечное, чисто-экономическое рабочее движеніе началось въ сколько-нибудь массовомъ, значительномъ проявленіи впервые въ 1881 году и съ тѣхъ поръ продолжалось непрерывно, временами поднимаясь до весьма значительной высоты. Долго носило оно чисто-экономическій характеръ, но этимъ для соціалдемократовъ открывалась возможность воздѣйствія на рабочую массу. Экономическая стачка, организованная и руководимая соціалдемократіей и сопровождавшаяся успѣхомъ, приводила всегда къ подъему престижа партіи въ рабочей средѣ и создавала почву для массовой политической агитаціи. Неудивительно, что въ 90-хъ годахъ стачки приняли рѣзко-выраженный политическій характеръ. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи петербургская стачка 1896 года.

Огромныя стачки 1900, 1901, 1902 и 1903 годовъ захватили болѣе 150 тысячъ рабочихъ, причемъ вездѣ ясно сказывался политическій элементъ движенія. Стачки осложнялись часто повторявшимися въ то же время массовыми демонстраціями, принимавшими все болѣе и болѣе внушительный характеръ. Наконецъ, лѣтомъ 1903 г. вспыхнула на югѣ Россіи всеобщая забастовка, въ которой участвовало 225 тысячъ человѣкъ. Она сопровождалась политическими митингами и требованіями чисто-революціонными, — созыва всероссійскаго народнаго собранія и всѣхъ свободъ.

Напрасны были попытки зубатовской провокаціи. Движеніе продолжалось непрерывно и становилось глубже и сознательнѣе въ теченіе всего 1904 года.

Глухо бродило, росло, крѣпло и иногда бурно вырывалось наружу и крестьянское движеніе. Еще въ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годахъ подвергались разоренію отдѣльныя помѣщичьи усадьбы и имѣнія. Массовымъ разореніе стало впервые въ 1902 году въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Въ 1903 г. крестьянское аграрное движеніе проявилось въ Рязанской, Тамбовской и Тверской губерніяхъ, въ 1904 г.— въ губерніяхъ Курской, Черниговской и Полтавской. Два обстоятельства обращаютъ на себя особенное вниманіе въ исторіи крестьянскихъ волненій: во первыхъ, эти волненія, въ противоположность пролетарскимъ, носили стихійный, разрушительный, малосознательный характеръ: изголодавшіеся люди просто забирали себѣ помѣщичій хлѣбъ и помѣщичье сѣно, чтобы хоть на минуту наѣсться и подкормить свой отощавшій скотъ, попутно, въ порывѣ, раздраженія и злобы, разоряя помѣщичьи дома; во-вторыхъ, главнымъ райономъ крестьянскихъ безпорядковъ являлась центральная черноземная полоса, гдѣ, съ одной стороны, земледѣліе играло главную роль въ народномъ хозяйствѣ, съ другой— господствовала крѣпостническая, кабальная (отработочная и испольная) система хозяйства. Крестьянское движеніе въ началѣ XX вѣка становилось, несомнѣнно, серьезнымъ и грознымъ. Но для того, чтобы вырости въ дѣйствительную политическую силу,—ему необходимо было стать сознательнѣе и распространиться по болѣе обширной территоріи.

Наконецъ, волны все чаще набѣгали и вздымались и на гладкой поверхности мелкобуржуазнаго благополучія. Самымъ выдающимся въ этомъ отношеніи явле-

ніемъ слѣдуетъ признать студенческое движеніе. Еще въ 60-хъ и 70-хъ годахъ студенческія волненія носили несомнѣнную политическую окраску, но они были тогда явленіемъ спорадическимъ, не распространялись одновременно на всю Россію. Массовымъ, охватывающимъ всѣ или почти всѣ высшія учебныя заведенія единовременно явленіемъ они дѣлались только во второй половинѣ 80-хъ годовъ, послѣ введенія университетскаго устава 1884 года и полнаго торжества реакціи въ правительственныхъ сферахъ. Съ 1887 года каждые два года, иногда каждый годъ періодически повторялись повсемѣстные студенческіе безпорядки. Правда, они долго прикрывались академическими мотивами, но ни для кого не былъ секретомъ ихъ политическій источникъ. И наконецъ въ 1901 году политика выступила открыто и рѣзко и съ тѣхъ поръ уже не сходила со сцены въ волненіяхъ 1902 и 1903 годовъ.

Среди всѣхъ этихъ грандіозныхъ, массовыхъ движеній скромнымъ ручейкомъ пробивалось и журчало земское либеральное оппозиціонное движеніе. Иногда оно вспыхивало яркимъ огонькомъ, какъ это случилось, напримѣръ, въ Твери въ 1894 году, но скоро огонекъ потухалъ безрезультатно. Къ такимъ вспышкамъ принадлежитъ и пресловутый земскій съѣздъ въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1904 года. Его робкія, нерѣшительныя, половинчатыя заявленія свидѣтельствовали, конечно, о ростѣ оппозиціоннаго настроенія среди русской буржуазіи, какъ свидѣтельствовала о томъ же и шумная банкетная кампанія конца 1904 года въ эпоху „довѣрія“, символизпровавшагося княземъ Святополкъ-Мирскимъ. Но отводить этому съѣзду какое-то особое мѣсто въ исторіи революціи могутъ только либерально-буржуазные апологеты земцевъ. Русская революція родилась не на земскихъ собра-

ніяхъ и съѣздахъ, а среди дыма фабрикъ, на истощенной, политой потомъ и кровью крестьянина землѣ, путемъ непреклонной и упорной революціонной агитаціи и пропаганды, въ жестокой борьбѣ террористовъ.

Зарницами—предвѣстниками наступающей бури и были рабочія, крестьянскія, студенческія волненія и рядъ политическихъ убійствъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Организація оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ.

I.

Острый періодъ революціи начался, несомнѣнно, знаменитымъ кровавымъ воскресеньемъ 9 января 1905 г. въ Петербургѣ. Гапоновщина была плотью отъ плоти и костью отъ костей зубатовщины. Она собрала воедино, сконцентрировала всѣ старыя иллюзіи, жившія еще въ рабочей массѣ,—и особенно главную изъ нихъ—иллюзорную идею о демократизмѣ самодержавія. Пушки и пули 9 января разстрѣляли эту идею окончательно и безповоротно. Идолъ рухнулъ со страшнымъ шумомъ, обагренный кровью тѣхъ, кто дѣлалъ послѣднюю попытку получить отъ него то, что для нихъ было предметомъ сокровенныхъ, самыхъ горячихъ желаній.

Будучи исходнымъ пунктомъ ожесточенной, кровавой революціонной борьбы, 9 января 1905 г. послужило также началомъ перваго момента этой борьбы, закончившагося примѣрно въ сентябрѣ 1905 г. Этотъ первый моментъ можно характеризовать какъ періодъ организаціи оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ.

Первая изъ этихъ силъ — рабочій пролетаріатъ. 9-е января революціонизировало его до крайности, съ чрезвычайной наглядностью показавъ, чего рабочіе

могутъ ждать отъ самодержавія. Тутъ не могли оказать помощи никакіе любезные пріемы „благонадежныхъ“, одѣтыхъ въ особыя форменныя синія блузы рабочихъ въ Царскомъ Селѣ. Не могли поправить дѣло и благонамѣренныя комиссіи въ родѣ комиссіи Шидловскаго. Исторія съ этой послѣдней была особенно поучительна и знаменательна: рабочіе отказались принять въ ней участіе, пока не гарантированы всѣ свободы. Пролетаріатъ въ рѣшительныхъ, не допускающихъ сомнѣнія выраженіяхъ объявилъ войну самодержавію. Жребій былъ брошенъ. Возврата не было и не могло быть.

Но разъ смертный бой сталъ рѣшенымъ дѣломъ,— надо было обезпечить себѣ побѣду въ этомъ бою. Что требовалось для этой побѣды? Прежде всего, конечно, чистота и полнота классоваго сознанія, сплачивающаго воедино, организующаго весь рабочій классъ. Достигнуто-ли было это? Въ извѣстной мѣрѣ, въ грубыхъ, основныхъ чертахъ—да, разумѣется—для того момента. Конечно, въ этомъ отношеніи оставалось еще сдѣлать очень и очень многое, но фундаментъ былъ заложенъ, надо было не покладая рукъ возводить на немъ зданіе. И это было одно изъ грандіознѣйшихъ задачъ будущаго.

Ограничиться ею одной однако было невозможно. Какъ бы ни былъ сознателенъ пролетаріатъ, какія бы ясныя и высокія цѣли онъ себѣ ни ставилъ въ великой борьбѣ,—побѣда была возможна лишь при наличности еще одного важнаго условія, — при наличности союзника или союзниковъ въ этой борьбѣ.

Союзника естественно было искать поближе къ себѣ, въ тѣхъ соціальныхъ слояхъ, которыя наиболѣе страдали отъ стараго режима, — среди крестьянства. Эта задача рисовалась съ такою ясностью и непреложностью, что сознательный пролетаріатъ легко ее

понялъ и усвоилъ. Къ тому времени россійская соціалдемократическая рабочая партія на почвѣ массовой агитаціи и пропаганды и стачечнаго движенія, удобренной зубатовщиной и гапоновщиной, успѣла соединить подъ своимъ знаменемъ уже довольно значительные слои пролетаріата. И потому она оказалась достаточно чуткой къ намѣчавшейся задачѣ, несмотря даже на раздиравшія ее фракціонныя распри, увѣнчавшіяся открытымъ расколомъ. Третій съѣздъ большевиковъ и происходившая одновременно съ нимъ конференція меньшевиковъ единодушно высказались за поддержку пролетаріатомъ крестьянскаго движенія вплоть до конфискаціи всѣхъ земель.

Такъ организовалъ свои силы и опредѣлилъ союзниковъ сознательный пролетаріатъ въ первый моментъ остраго періода революціи. Что же дѣлалъ и каковъ былъ этотъ союзникъ?

II.

Онъ попрежнему голодалъ и мучился. Но голодъ и мученья казались ему все болѣе нестерпимыми. И онъ все чаще и чаще примѣнялъ, несмотря на неоднократныя неудачи, прежнее стихійное, разрушительное средство для минутнаго хотя бы избавленія отъ нихъ,—жегъ помѣщичьи усадьбы и хозяйственныя постройки, развозилъ хлѣбъ и сѣно. Въ первой половинѣ 1905 года такія проявленія крестьянскаго движенія наблюдались уже въ 132-хъ уѣздахъ 44-хъ губерній. Осенній неурожай повелъ къ тому, что въ одномъ только Поволжьѣ и въ средней Россіи, движеніе охватило 23 уѣзда.

Но можетъ быть еще важнѣе то обстоятельство, что старые разрушительные пріемы борьбы перестали

удовлетворять крестьянскую массу: она стала думать о захватѣ помѣщичьей земли въ свою собственность и кое-гдѣ пыталась осуществить эту мысль. Чужія земли запахиваются крестьянами въ рядѣ губерній,— въ Нижегородской, Самарской, Бессарабской, Херсонской, Таврической, Тверской.

Зарождается, наконецъ, планъ и дѣлается попытка организовать крестьянскую массу въ политическомъ отношеніи,—образуется Крестьянскій союзъ.

Крестьянскій союзъ объединился на одной связывавшей всѣхъ его членовъ платформѣ, провозглашавшей право на землю всѣхъ трудящихся, передачу земли всему народу. Энтузіасты союза хотѣли видѣть въ этомъ чуть-ли не цѣльную, вполнѣ выработанную въ цѣломъ и подробностяхъ политическую и соціальную программу. На самомъ дѣлѣ этого не было. У союза было несомнѣнное революціонное настроеніе, имѣлись на лицо рѣзко выраженныя демократическія симпатіи, и все это покоилось на одномъ базисѣ—на жаждѣ земли, на сознаніи настоятельной необходимости забрать ее въ свои руки. Соединялось-ли съ этимъ ясное, опредѣленное представленіе о томъ, что будутъ съ этой землей дѣлать впослѣдствіи, послѣ ея захвата? Конструировались-ли стройныя и отчетливыя схемы юридическаго отношенія къ землѣ? Отнюдь нѣтъ. Что это именно такъ, — видно уже изъ разноголосицы, обнаруживавшейся по этому поводу на первомъ съѣздѣ Крестьянскаго союза,—разноголосицы, которую не удалось никакъ окончательно устранить присутствовавшимъ тамъ соціалистамъ-революціонерамъ, несмотря на всѣ ихъ старанія. Тѣмъ меньше ясности было по этому вопросу на мѣстахъ, среди крестьянской массы. Передъ ней былъ одинъ ослѣплявшій, плѣнявшій ее идеалъ: „земля всему народу“, „земля трудящимся“. Передъ сіяніемъ его блѣднѣло

все остальное, и то, что должно было начаться послѣ передачи земли народу, казалось второстепеннымъ и неважнымъ. Крестьянскій союзъ, какъ и все крестьянство, объединялся неудержимымъ стремленіемъ къ землѣ. Вопросъ о распредѣленіи земли послѣ ея конфискаціи и о юридическихъ нормахъ, на которыхъ должно было строиться это распредѣленіе, отодвигался на второй планъ: онъ долженъ былъ вызвать множество разногласій въ будущемъ.

Какъ бы то ни было, но и наблюдавшіяся въ первые девять мѣсяцевъ 1905 года крестьянскія волненія, и фактъ появленія и развитія Крестьянскаго союза показывали, что масса крестьянства становилось мало по малу, хоть и весьма медленно, сознательнѣе, чѣмъ то было прежде. Пролетаріату готовился — пока еще весьма слабо-сознательный союзникъ. Организація революціонныхъ силъ и въ этомъ отношеніи подвигалась впередъ. И это тѣмъ болѣе справедливо, что вѣдь для интенсивности и успѣховъ крестьянскаго движенія не нужно было построеніе юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ отношеніе крестьянства къ землѣ, — для этого достаточно было только одного того, чтобы появилась идеологическая опора борьбы за землю. Такая опора была дана идеей „земля всему народу“, „земля трудящимся“.

III.

Организовались и прогрессивные земцы (капиталистическіе сельскіе хозяева) и городская мелкая буржуазія.

Уже на ноябрьскомъ земскомъ съѣздѣ 1905 г. ясно обозначились два теченія въ земской средѣ — славянофильско-консервативное, стоявшее въ сущно-

сти лишь за совѣщательное представительство, осмѣливавшееся говорить только объ „участіи въ законодательствѣ“, и прогрессивное, прямо поставившее конституціонный вопросъ, объявившее необходимымъ „участіе въ законодательной власти“. Этотъ распадъ земскаго второго элемента продолжался затѣмъ дальше и сдѣлалъ земскіе съѣзды безпомощными и подъ конецъ совсѣмъ ненужными.

Земскій блокъ распадался. Этому помогало, кромѣ внутреннихъ противорѣчій, еще то обстоятельство, что давно уже сложился другой блокъ — прогрессивныхъ земцевъ съ городской мелкой буржуазіей. То былъ Союзъ освобожденія—въ значительной еще степени неопредѣленная, недифференцировавшаяся демократически—не то оппозиціонно, не то революціонно — настроенная масса, разнородная и нестройная. Лебединой пѣсней земскаго блока была знаменитая іюльская депутація, сопровождавшаяся рѣчью князя Сергѣя Трубецкого. Безплодность этой депутаціи наглядно показала, что пора земскихъ съѣздовъ и земскихъ ходатайствъ безвозвратно миновала.

Но та-же рѣчь Трубецкого показала еще и нѣчто другое, — подчеркнула для многихъ освобожденцевъ-демократовъ изъ Союза освобожденія необходимость отрясти прахъ отъ ногъ своихъ и уйти изъ выходившей въ то время изъ лона Союза освобожденія конституціонно-демократической партіи. Въ рѣчи оратора земскаго блока не было ни слова о конституціи и всеобшемъ избирательномъ правѣ,—и этимъ подчеркивалось фактическое подчиненіе лѣвыхъ правымъ, проигрышъ для первыхъ отъ союза со вторыми. Программа слагавшейся кадетской партіи довершила дѣло. Откололись не только правые земцы, — откололась и болѣе демократическая и сознательная часть мелкой буржуазіи. Осталась середина: земцы и значительные

мелкобуржуазные круги близкіе къ нимъ по своему профессіональному положенію,—по преимуществу профессора и адвокаты.

И это понятно: для крайнихъ демократовъ кадетская программа была слишкомъ умѣренна. О чемъ она говорила въ своемъ первоначальномъ видѣ? Вопросъ о политической формѣ она оставляла совершенно открытымъ, какъ бы пытаясь прикрыть этой фигурой умолчанія разногласія между монархистами и республиканцами и тѣмъ самымъ внушая послѣднимъ невольныя подозрѣнія. Въ рабочемъ вопросѣ она выдвинула впервые замѣчательную, единственную въ своемъ родѣ формулу „восьмичасового рабочаго дня *по возможности*". Какъ будто болѣе крайнія партіи хотятъ восьмичасового рабочаго дня, потому что онъ невозможенъ! Ясно, что прибавка „по возможности" обозначаетъ полную невозможность, а это должно было претить послѣдовательнымъ демократамъ. Совершенно двусмысленно звучало и выраженіе „*справедливая* оцѣнка", примѣнительно къ выкупу земли, и ни слова не было пока о государственномъ земельномъ фондѣ: некогда пока было и думать о далекомъ будущемъ, надо было возможно скорѣе заткнуть зіяющую пасть аграрнаго вопроса. Но главное, что должно было волновать и тревожить лѣвыхъ демократовъ—это крайне оппортюнистическое отношеніе новой партіи къ булыгинской Думѣ: кадеты готовы были безропотно принять участіе въ этомъ удивительномъ учрежденіи, которое при самомъ своемъ рожденіи просилось въ археологическій музей.

Лѣвые освобожденцы ушли въ разныя стороны,—одни изъ нихъ въ крайнія лѣвыя партіи, другіе—въ профессіонально-политическіе интеллигентскіе союзы, оказавшіеся болѣе демократическими, чѣмъ кадетская партія. Это союзы—инженеровъ, желѣзнодорожныхъ

и почтово-телеграфныхъ служащихъ, учителей и т. д.— и представляли собою особую организацію мелкобуржуазной демократіи, существовавшую рядомъ съ конституціонно-демократической партіей. Они объединились въ Союзъ союзовъ, организацію безформенную и рыхлую, не имѣвшую права давать обязательныя директивы своимъ участникамъ.

IV.

Всей этой организаціи революціонныхъ и оппозиціонныхъ силъ не противополагалась пока никакой общественной организаціи реакціи. Контръ-революціонныя силы общества оставались дезорганизованными—главнымъ образомъ по той причинѣ, что между ними и старымъ режимомъ не состоялось еще соглашеніе. Городскія думы—особенно Московская — еще были въ оппозиціи, требовали отъ стараго режима уступокъ. Крупная буржуазія не удовлетворялась голыми обѣщаніями, данными 18 февраля. Она ждала воплощенія этихъ обѣщаній въ дѣйствительность.

И такое воплощеніе пришло 8 августа 1905 г. въ видѣ Положенія о Государственной Думѣ. Дано было безвластное даже на бумагѣ народное представительство съ полнымъ отсутствіемъ представительства рабочихъ и городской мелкой буржуазіи и съ крайнимъ стѣсненіемъ избирательныхъ правъ крестьянства. Понятно, какъ должны были отнестись къ этому документу народныя массы.

Но какъ отнеслась къ нему крупная торгово-промышленная буржуазія? Сдержанно и холодно. Почему? Причина понятна: ей нечего было желать большаго, если разсматривать избирательную систему, но не было совсѣмъ власти у новаго представитель-

наго учрежденія, и бюрократическая опека и халатность ей надоѣла и досаждала.

Можетъ быть были довольны, по крайней мѣрѣ, тѣ, кто составлялъ опору трона, крѣпостники и хищники всякаго рода, черная сотня? Но „Московскія Вѣдомости“ не даромъ еще при появленіи манифеста 18 февраля напечатали патетическую статью, заканчивавшуюся словами: „Боже, царя храни“. И—надо это прямо признать — онѣ были правы. Непримиримость общественныхъ элементовъ, поддерживающихъ старый строй, свидѣтельствуетъ не о чемъ иномъ, какъ о несомнѣнной политической ихъ зрѣлости: ясно, что въ данномъ положеніи „коготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть“, каждая уступка — шагъ къ гибели. Трагедія умирающихъ классовъ заключается въ томъ, что гибель все равно неизбѣжна, дѣлаются или нѣтъ уступки — неуступчивостью нельзя достигнуть ничего кромѣ оттяжки крушенія — и то лишь въ томъ случаѣ, если есть на лицо достаточныя механическія, техническія силы для самозащиты.

Въ результатѣ уродливое дѣтище старой бюрократіи—булыгинская Дума—оказалось мертворожденнымъ. Государственная Дума попала въ археологическій музей раньше, чѣмъ воплотилась въ дѣйствительность, и осталась навсегда исключительнымъ раритетомъ, привлекающимъ изумленные взоры любителя всякаго рода чудовищныхъ антиковъ. Первая уступка самодержавія не могла никого удовлетворить и успокоить.

И это тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, уже въ первый моментъ остраго періода въ развитіи революціи отдѣльные общественные классы достигли значительнаго самоопредѣленія, очистили свое классовое сознаніе, дифференцировались въ извѣстной мѣрѣ и сорганизовались. У насъ принято говорить о политической незрѣлости русскаго общества. Я утверждаю, что оно

съ самаго начала революціонной борьбы политически было болѣе зрѣло, чѣмъ западно-европейское общество въ соотвѣтствующіе моменты его исторіи.

Въ концѣ перваго момента русской революціи получилось такимъ образомъ слѣдующее положеніе: съ одной стороны фиктивная, никого не удовлетворявшая уступка, съ другой—до извѣстной степени организованныя революціонныя и оппозиціонныя силы. Конфликтъ былъ неизбѣженъ, и только слѣпой могъ этого не предвидѣть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Героическая попытка ниспроверженія старой власти.

I.

Рѣшительная, героическая попытка свергнуть вполнѣ самодержавіе и составляетъ содержаніе второго момента революціонной борьбы въ Россіи.

Ей непосредственно предшествовало массовое возбужденіе въ сентябрѣ и началѣ октября, нашедшее себѣ исходъ въ получившихъ автономію высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Студенты рѣшили использовать эту автономію и связанное съ ними право собраній въ интересахъ развитія революціи и широко распахнули передъ народной массой двери высшихъ учебныхъ заведеній. Начались огромные ежедневные митинги, сопровождавшіеся массовой агитаціей революціонныхъ партій. Они подняли и воспитали революціонную энергію, и движеніе увѣнчалось грандіозной, нигдѣ не бывалой, безпримѣрной всеобщей политической забастовкой въ октябрю 1905 г., когда замерла вся жизнь, остановились фабрики, заводы, мастерскія, желѣзныя дороги, всѣ учрежденія, погасли электричество и газъ, прекратилось водоснабженіе. Всякому, кто пережилъ эти незабвенные, великіе единственные дни, памятно, конечно, впечатлѣніе величія, могущества, непреодолимой силы народнаго движенія, оставленное ими.

Самодержавіе дрогнуло подъ этимъ дружнымъ напоромъ, и появились извѣстный докладъ Витте и

манифестъ 17 октября. Конституціонный принципъ былъ торжественно признанъ сверху, обѣщаны расширеніе избирательнаго права и всѣ свободы.

Кто былъ октябрьскимъ побѣдителемъ? Идеологи буржуазіи теперь, когда этотъ побѣдитель предательски поверженъ на землю, склонны приписывать побѣду всему народу или напротивъ: съузить предѣлы побѣдившаго слоя, утверждая, что рѣшила все дѣло желѣзнодорожная забастовка. Нѣтъ основаній ни для того ни для другого утвержденія. Изъ всего народа надо исключить почти всю крестьянскую массу, естественно стоявшую въ сторонѣ отъ этого чисто-городского движенія, и большую часть буржуазіи, которая лишь принудительно пристала къ стачкѣ; сюда относилось между прочимъ и большинство кадетской мелкой буржуазіи. Напротивъ мелкобуржуазная масса, группировавшаяся около Союза союзовъ, принимала активное участіе въ движеніи. Желѣзнодорожники, конечно, сыграли въ октябрьской забастовкѣ выдающуюся, первостепенную, но далеко не исключительную роль. Въ общемъ надо сказать, что побѣдителемъ въ октябрѣ былъ пролетаріатъ и примыкающіе къ нему полупролетарскіе слои мелкой буржуазіи. Много помогла дѣлу организація забастовочныхъ комитетовъ и особенно совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, изъ которыхъ особенное, выдающееся значеніе пріобрѣлъ петербургскій.

Небывалую, поражающую взоръ картину представляли собою улицы большихъ русскихъ городовъ въ первые дни послѣ 17 октября: масса народа на улицахъ, импровизованные митинги и шествія, рѣчи крики восторга. Но наряду съ этимъ раздавались уже и выстрѣлы погромщиковъ, сыпались ихъ удары при явномъ попустительствѣ со стороны полиціи. Убійства и избіенія революціонеровъ, иногда массовые погромы

выдвинулись на очередь дня наряду съ ликованіями по поводу завоеванной конституціи. Но омрачая атмосферу, они не мѣшали торжеству свободы, не удержали народъ отъ освобожденія политическихъ заключенныхъ. Очень часто убійства и избіенія, производимыя черносотенцами, превращались въ апоѳеозъ революціи, въ прославленіе революціонеровъ. Таково, напримѣръ, было убійство соціалдемократа Баумана въ Москвѣ. Оно дало поводъ къ грандіозной, неслыханной и невиданной въ Россіи манифестаціи,— къ гражданскимъ похоронамъ убитаго борца за дѣло революціи, на которыхъ присутствовало не менѣе 100 тысячъ человѣкъ.

Возможность подобной же, можетъ быть, даже болѣе грандіозной манифестаціи открывалась для Петербурга въ устройствѣ похоронъ убитыхъ рабочихъ 18 октября. Правительство всѣми силами воспротивилось ей, заявивъ совѣту рабочихъ депутатовъ, что оно не остановится ни передъ какими средствами, чтобы предотвратить манифестацію. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ уступилъ и отмѣнилъ торжественные похороны. Кто знаетъ, не напрасно ли онъ это сдѣлалъ? Быть можетъ надо было сконденсировать революціонную энергію, и безъ того находившуюся на высокой степени напряженія, и пойти наперекоръ всему, чтобы добить раненаго звѣря, пока онъ не успѣлъ кое-какъ зализать свои раны и собраться съ силами? Быть можетъ. Но случилось не такъ. И надо думать — на то были свои причины, которыя невозможно было устранить.

И потому октябрьская побѣда была только половинной, незаконченной.

II.

Она сопровождалась однако великими и обильными результатами.

Остановимся въ характеристикѣ этихъ результатовъ прежде всего на деревнѣ, чтобы потомъ перейти къ городу.

Деревня не принимала прямого и непосредственнаго участія въ октябрьской всеобщей политической стачкѣ. Но она по прежнему волновалась, и сила стихійнаго аграрнаго движенія, бурнаго, разрушительнаго и безпорядочнаго, еще болѣе увеличилась подъ вліяніемъ городскихъ событій. Въ послѣдніе три мѣсяца 1905 года крестьянскія волненія въ ихъ разрушительной, стихійной формѣ, разразились въ 94-хъ уѣздахъ 23-хъ губерній. И если раньше мы наблюдали наряду съ разрушеніемъ и поджогами усадебъ и построекъ и со свозомъ хлѣба и сѣна захватъ и запашку земли, то теперь это не только продолжается, но принимаетъ болѣе систематическія формы: мѣстами крестьяне, захвативъ помѣщичьи имѣнія, производятъ выборы особыхъ должностныхъ лицъ для завѣдыванія ими и веденія хозяйства *).

И этимъ уже однако движеніе не ограничилось. Оно стало выливаться въ новыя формы, свидѣтельствующія о большей сознательности и планомѣрности. Мысль крестьянина направилась на коренное измѣненіе арендныхъ отношеній. Еще весной 1905 г. херсонскіе и таврическіе крестьяне во многихъ мѣстахъ отказались платить арендную плату. Въ Пензенской губерніи всѣ арендованныя земли были брошены. Въ Лифляндіи, Самарской, Нижегородской и Кіевской

*) См. Н. Никодимовъ и П. Ларіоновъ, Крестьянское движ

губерніяхъ крестьяне добились значительнаго пониженія арендныхъ платежей.

Такъ шло дѣло въ центральной русской деревнѣ. Еще сознательнѣе и планомѣрнѣе было крестьянское движеніе на окраинахъ, — на Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ. Здѣсь прямо и ясно поставлена была политическая задача — завоеваніе власти. Не только изгонялись помѣщики, и захватывалась земля, но и удалялись всѣ власти, и устраивалось управленіе на новыхъ, выборныхъ, демократическихъ началахъ. Земля на Кавказѣ подвергалась раздѣлу, а въ Прибалтійскомъ краѣ дѣлались опыты кооперативнаго веденія хозяйства въ крупныхъ имѣніяхъ, съ выборной отъ рабочихъ хозяйственной администраціей во главѣ.

Въ кавказскомъ и прибалтійскомъ движеніи сказалось вліяніе соціалдемократіи.

Началось движеніе въ войскахъ. Разыгрались исторіи съ Кронштадтомъ и „Потемкинымъ“. Казалось, рушились или по крайней мѣрѣ колебались всѣ устои стараго строя.

Что же дѣлалось одновременно съ этимъ въ городахъ?

Октябрьская забастовка не только ниспровергла жалкую и уродливую булыгинскую Думу,—она сопровождалась и другими болѣе реальными послѣдствіями. Главное изъ этихъ послѣдствій — завоеваніе всѣхъ свободъ, — свободы печати, собраній, союзовъ и стачекъ.

Цѣлый потокъ новыхъ, свободныхъ и смѣлыхъ газетъ вылился на свѣтъ Божій. Онѣ вышли изъ душнаго и темнаго подполья и смѣлѣе и ярче, чѣмъ то дѣлали въ подпольѣ, заговорили о самыхъ коренныхъ вопросахъ русской жизни. То былъ свѣтлый, къ сожалѣнію не долгій праздникъ свободнаго рус-

скаго слова, веселый и радостный, доходившій въ порывахъ увлеченія до бурной вакханаліи.

Захватнымъ путемъ взята была и свобода собраній Въ октябрѣ, ноябрѣ и началѣ декабря во всѣхъ городахъ, особенно въ большихъ, происходили ежедневные огромные многотысячные митинги, на которыхъ перебывали всѣ слои населенія. Что они тамъ слышали? Наряду съ пламенными рѣчами, призывавшими къ непосредственнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ, къ рѣшительному, послѣднему натиску на старый строй, читались пропагандистскія курсы, разъяснявшіе программу и тактику революціонныхъ партій. Велась массовая агитація и пропаганда. То, что насильственно удерживалось правительственными заставами и рогатками, широкимъ, неудержимымъ потокомъ хлынуло въ народныя массы.

Собирались обильныя пожертвованія на продолженіе великой борьбы. Народныя массы вооружались.

Оправдалось еще разъ давно извѣстное наблюденіе: какъ только побѣждаетъ свобода, растутъ, какъ грибы, профессіональные союзы рабочихъ. Свобода союзовъ была также осуществлена фактически, захватнымъ путемъ. И это давало возможность свободно и открыто функціонировать не только профессіональнымъ организаціямъ, но и такимъ учрежденіямъ, какъ совѣты рабочихъ депутатовъ и различныя организаціи революціонныхъ партій. Чувствовалось однако, что побѣда еще неполна и непрочна, и потому партійные центры не раскрывали себя.

Фактически осуществлена была, наконецъ, и свобода стачекъ. И онѣ начались въ огромномъ количествѣ. Изголодавшійся, измученный, грубо-эксплуатируемый рабочій народъ захотѣлъ разомъ добиться человѣческаго существованія—и на время добился.

Подъемъ революціоннаго энтузіазма въ рабочей

средѣ былъ такъ великъ, что петербургскіе рабочіе рѣшили захватнымъ путемъ осуществить одну изъ ближайшихъ крупныхъ задачъ рабочаго класса—восьмичасовой рабочій день. Это была ошибка, какъ ошибкой было чрезмѣрное злоупотребленіе стачками; то и другое истощало силы пролетаріата и отвлекло ихъ отъ главной задачи—добить раненаго звѣря: къ тому же для всякаго сознательнаго соціалдемократа ясно, что восьмичасовой рабочій день какъ прочное пріобрѣтеніе можетъ быть установленъ лишь путемъ международнаго договора. Но нельзя, немыслимо было сразу противостать стихійному порыву рабочихъ массъ, и петербургскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ лишь по истеченіи нѣкотораго времени отмѣнилъ принятое сначала рѣшеніе о захватѣ восьмичасоваго рабочаго дня.

Наконецъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ явленій этой по истинѣ героической эпохи „дней свободъ“ надо признать возникшее въ Петербургѣ рядомъ съ правительствомъ царскимъ пролетарское правительство—Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, находившійся подъ преимущественнымъ вліяніемъ соціалдемократіи. Дѣятельность этого учрежденія была благородна и блестяща. Совѣтъ былъ дѣйствительнымъ выразителемъ интересовъ и воли петербургскаго пролетаріата, онъ на самомъ дѣлѣ организовалъ этотъ пролетаріатъ для дальнѣйшей борьбы. Самымъ крупнымъ актомъ политической дѣятельности петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ была всеобщая политическая забастовка петербургскихъ рабочихъ въ ноябрѣ по случаю суда надъ кронштадскими матросами и введенія военнаго положенія въ Польшѣ. Забастовка увѣнчалась успѣхомъ: военное положеніе въ Польшѣ было на время снято, съ кронштадтскими матросами не рѣшались расправиться.

Но несчастіе петербургскаго совѣта рабочихъ де-

путатовъ заключалось въ томъ, что онъ былъ именно только *петербургскимъ*. Это, съ одной стороны, привязывало специфически къ интересамъ петербургскаго пролетаріата, къ его повседневнымъ нуждамъ и потребностямъ и потому нѣсколько суживало политическій горизонтъ учрежденія: съ другой—это не давало петербургскому совѣту рабочихъ депутатовъ достаточнаго *всероссійскаго* авторитета. Такой авторитетъ могъ бы быть созданъ или полнымъ захватомъ всей правительственной власти даннымъ совѣтомъ, или организаціей особаго всероссійскаго учрежденія объединяющаго революціонныя массы. Къ первому совѣтъ не рѣшился и, вѣроятно, не могъ рѣшиться призвать народъ ранѣе начала декабря, когда правительство, собравшись съ силами, само напало на совѣтъ. Второе не осуществилось, вѣроятно, потому, что революціонныя массы для этого не созрѣли.

Понять такой исходъ замѣчательной дѣятельности петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ *) можно только уяснивъ себѣ причины того, почему петербургскій пролетаріатъ не присоединился всецѣло къ тому возстанію, которое вспыхнуло въ Москвѣ, Сибири, на Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ. Объ этомъ ниже.

III.

Дни свободъ создали повышенную, разгоряченную атмосферу въ Москвѣ. И Москва, какъ и вся Россія, какъ и Петербургъ, еще до октября пережили, несомнѣнно, цѣлый рядъ моментовъ сильнѣйшаго общественнаго возбужденія. Но въ этомъ отношеніи у нея

*) Подробности этой дѣятельности см. въ «Исторіи совѣта рабочихъ депутатовъ».

были свои особенности по сравненію съ Петербургомъ. Здѣсь не было такого грандіознаго, потрясающаго кровопусканія, какъ въ сѣверной столицѣ. Безъ сосомнѣнія, 9-е января было горячо прочувствовано и правильно понято и въ Москвѣ. Конечно, и московскіе рабочіе сознали, что въ этотъ знаменитый день—одинъ изъ величайшихъ, знаменательнѣйшихъ дней русской исторіи—самодержавіе неизбѣжнымъ ходомъ дѣлъ вынуждено было разстрѣлять само себя и тѣмъ обнаружить свою истинную общественную природу. Это революціонизировало и московскій пролетаріатъ. Но все-таки здѣсь не было остроты и свѣжести непосредственныхъ впечатлѣній, не было того ужаснаго нервнаго потрясенія, того нарушенія державнаго равновѣсія, которое характеризовало психику петербургскаго пролетаріата тотчасъ послѣ январьскихъ дней. Въ отличіе отъ этого въ Москвѣ революціонное настроеніе наростало медленно и постепенно. Энергія не расходовалась напрасно ни на одну крупицу.

Къ тому же господствующій типъ московскаго рабочаго—сѣрый великоруссъ, въ умѣ котораго, близкомъ къ „землѣдству", переработка новыхъ впечатлѣній совершается крайне медленно. У него много практичности и мало раціонализма. Ему больше, чѣмъ кому бы то ни было другому, нужно убѣдиться на опытѣ, изъ практики въ цѣлесообразности государства и осуществимости той или другой теоріи. Приведу для иллюстраціи этого два-три примѣра изъ личныхъ воспоминаній, оговорившись, что можно увеличить число подобныхъ примѣровъ до безконечности.

Это было въ дни свободъ. Я читалъ лекціи передъ двухтысячной аудиторіей изъ рабочихъ въ одной подмосковной мѣстности. Въ перерывѣ, когда я сѣлъ отдохнуть на тотъ простой грубый столъ, который служилъ мнѣ каѳедрой, вдругъ ко мнѣ подходитъ какой

то рабочій, обнимаетъ меня и цѣлуетъ. Затѣмъ проситъ позволенія сказать нѣсколько словъ собранію, взбирается на столъ и во всеуслышаніе заявляетъ: „Я—отъ Брамлея *). Мы шесть недѣль бастовали и теперь побѣдили. Кто помогъ намъ? Соціалдемократы! Они помогли намъ и совѣтомъ и деньгами,—200 руб. прислали. И мы увидѣли, что правда все то, что они говорятъ. И правду, истину говорятъ вамъ, товарищи, теперь. Товарищи! Да здравствуетъ же соціалдемократическая рабочая партія, это дѣйствительно *рабочая* партія!“ Эта маленькая рѣчь вызвала большой энтузіазмъ.

И разъ познавъ истину, московскій рабочій затѣмъ уже упорно ея держится,—его не своротишь. Я помню одного солиднаго, бородатаго рабочаго, который постоянно бывалъ на моемъ курсѣ для массы рабочихъ тысячи въ полторы двѣ въ Москвѣ. Онъ сидѣлъ обыкновенно во второмъ ряду и не спускалъ глазъ съ меня во время лекціи, причемъ лицо его до того живо выражало всѣ впечатлѣнія, что когда что-нибудь ему было неясно, это было сразу замѣтно, и невольно приходилось разъяснять, а когда онъ понималъ и сочувствовалъ, онъ кивалъ одобрительно головой и два или три раза, въ порывѣ увлеченія, даже сказалъ довольно громко: „такъ! вѣрно!“ Потомъ въ дни московскаго возстанія я встрѣтилъ его на улицѣ за постройкой баррикады: „Надо потрудиться“, сказалъ онъ, замѣтивъ меня, „можетъ быть и выйдетъ что-нибудь“. Помню я, наконецъ, какъ во время выборовъ въ Государственную Думу, когда проведена была тактика бойкота и сдѣланъ былъ на многолюдномъ рабочемъ митингѣ докладъ о томъ, какъ прошелъ бойкотъ,—тотчасъ послѣ референта выступилъ рядъ

*) Металлургическій заводъ въ Москвѣ.

рабочихъ,—до 12-ти человѣкъ,—которые всѣ единодушно—одни нескладно и неумѣло, другіе въ стройной, похожей на интеллигентную формѣ, третьи живо и остроумно, съ искорками настоящаго юмора и огнемъ неподдѣльнаго вдохновенія,—но всѣ искренно и сильно, выразили мысль о необходимости продолжать борьбу въ прежнемъ, упорномъ видѣ, такъ же агрессивно и рѣшительно, какъ раньше, безъ всякихъ отступленій. И это было когда-же? послѣ разгрома Пресни и дубасовскихъ, римановскихъ и миновскихъ неистовствъ въ Москвѣ и подъ Москвой.

Такъ послѣдовательно развивалъ и укрѣплялъ свое настроеніе и свое міросозерцаніе московскій рабочій. Онъ не истощалъ своей энергіи, а напротивъ накапливалъ ее въ дни свободъ. И мы всѣ поддавались этому вліянію массы. Петербургскія соціалдемократическія газеты были, конечно, ярче и талантливѣе нашихъ, но въ нихъ чувствовалась нѣкоторая истеричность,—результатъ непомѣрнаго расходованія энергіи. Въ московскихъ газетахъ былъ огромный подъемъ революціонной энергіи, но не чувствовалось истощенности и истеричности.

Понятно, что естественнымъ результатомъ всего этого процесса подъема пролетарскихъ массъ было декабрьское возстаніе въ Москвѣ. Оно было логичнымъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ предыдущаго. Оно не было вызвано партійными организаціями,—оно было произведено массами. Партійная организація все время шла за массами, а не наоборотъ. Баррикады строились раньше, чѣмъ комитеты революціонныхъ партій призвали къ этой постройкѣ.

IV.

Московское возстаніе многіе старались развѣнчать. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи и лучшаго назначечія, пытались доказать, что оно не было массовымъ движеніемъ, а борьбой кучки лицъ—дружинниковъ съ правительственными войсками.

Это—невѣрно. Свидѣтельствую объ этомъ какъ очевидецъ и ссылаюсь на свидѣтельства цѣлаго ряда другихъ очевидцевъ. Кто видѣлъ, напр., какъ строились первыя баррикады на Тверской у Садовой, тотъ знаетъ, что ее строилъ *народъ*, строили *массы*. И вездѣ баррикады сооружались подобнымъ же образомъ. На Прѣснѣ по ночамъ выходили на работу надъ баррикадами сотни рабочихъ, а обыватели несли ночные караулы, устанавливали пароли, не пропускали постороннихъ. Масса помогала дружинникамъ пищей, питьемъ, пріютомъ для отдыха, уходомъ за ранеными, очень часто и вооруженнымъ содѣйствіемъ. Послѣдніе я лично наблюдалъ во время одного боевого столкновенія на Владиміро-Долгоруковской улицѣ (Живолернѣ). Днемъ и вечеромъ, до глубокой ночи массы толклись на улицахъ, занятыхъ возставшими, не изъ пустого только любопытства: предостерегали отъ стрѣльбы, приносили извѣстія о движеніяхъ войскъ, помогали всячески. И все движеніе покрывалось той атмосферой массоваго сочувствія и содѣйствія, при которомъ только и возможно было держаться гораздо болѣе недѣли противъ пушекъ и пулеметовъ.

Да, московское возстаніе было массовымъ движеніемъ. Но этого мало. Оно было массовымъ движеніемъ особаго, новаго типа, вызваннаго въ жизни новыми условіями, не имѣвшимися на лицо во время прежнихъ революцій. Прежде не было такихъ орудій, не было и пулеметовъ. И потому можно было защи-

щать баррикады. Теперь сложилась тактика *партизанской войны*,—не единичныхъ партизанскихъ выступленій, а именно партизанской *войны*, которая представляетъ собою явленіе массовое, а не террористическій актъ.

Партизанская война оказалась могущественнымъ средствомъ борьбы. Половина Москвы очутилась въ рукахъ возставшихъ. Былъ моментъ, когда высшей московской администраціи казалось, что все погибло. Имѣются компетентныя заявленія изъ близкихъ къ административнымъ сферамъ источниковъ, что посылались отчаянныя донесенія въ Петербургъ (въ томъ числѣ и по телефону). Царила полная увѣренность, что если бы возстаніе началось раньше, когда не прекратились еще волненія въ Ростовскомъ полку, то войска перешли бы на сторону возставшихъ, и пораженіе правительства было бы неизбѣжнымъ.

И однако дѣло кончилось побѣдой правительства Почему?

Потому что Москва не была поддержана Петербургомъ, откуда и можно было доставить свѣжія войска.

Но почему же Петербургъ не поддержалъ Москвы? Причинъ много, но главныя изъ нихъ кроются въ ходѣ событій въ Петербургѣ и въ особенностяхъ петербургскаго пролетаріата сравнительно съ московскимъ. Наблюденія надъ рабочими Петербурга и Москвы, сдѣланныя мною при непосредственномъ общеніи съ ними, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ существенныхъ различіяхъ между ними. Петербургскій рабочій въ общемъ культурнѣе московскаго. И потому у перваго существуетъ цѣлый рядъ важныхъ культурныхъ потребностей, не свойственныхъ или въ меньшей степени свойственныхъ второму. Болѣе развитый петербургскій рабочій хочетъ учиться

и учится жадно и страстно. Ему нужны лекціи хорошихъ, непремѣнно первоклассныхъ лекторовъ. Его мысль работаетъ самостоятельно, онъ подходитъ ко всему съ острымъ ножомъ анализа, тщательно все критикуетъ и потому нерѣдко колеблется, не рѣшается на смѣлый безповоротный шагъ. Культурныя, просвѣтительныя потребности у него часто берутъ перевѣсъ надъ политическими тенденціями.

Это такъ. Но не въ этомъ только дѣло. Дѣло въ томъ еще, что какъ было уже выше указано, ходъ петербургскихъ событій, необычайно стремительный и рѣзкій съ января, билъ по нервамъ, сильнѣйшимъ образомъ повышалъ энергію, доводилъ ее до крайняго возбужденія. Такъ продолжалось до ноября. И энергія истощилась. Ея не хватило на рѣшительное выступленіе, слишкомъ запоздавшее. Въ декабрѣ въ Петербургѣ не только не вспыхнуло возстаніе, но не удалась и всеобщая забастовка.

V.

Однимъ героическимъ порывомъ не удалось смести до основанія старый строй. Декабрьское возстаніе кончилось неудачно.

Означало ли это, однако, окончательное пораженіе революціи, какъ думали нѣкоторые? Или въ общемъ процессѣ ея развитія оно сыграло роль дальнѣйшаго этапа? Стоитъ только поставить его въ связь со всѣми предшествующими событіями, съ общимъ ходомъ революціонной борьбы, чтобы убѣдиться, что отвѣтъ долженъ быть данъ во второмъ смыслѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ сущности каждый новый шагъ впередъ, совершившійся революціей, былъ *формальной* побѣдой правительства. Что такое было

9-е января? Кровавая бойня рабочихъ, разгромъ огромной народной массы, вылившейся на улицѣ Петербурга. Формальнымъ побѣдителемъ тогда оказалось правительство.

Но реально побѣдилъ пролетаріатъ. Недаромъ начались тогда попытки умаслить его въ комиссіи Шидловскаго, недаромъ за 9-мъ января послѣдовало 18 февраля — манифестъ съ жалкими уступками, никого не удовлетворившій, но все-таки знаменательный, какъ симптомъ. А главное пріобрѣтеніе заключалось въ революціонизированіи массъ, въ ростѣ въ нихъ готовности къ борьбѣ, въ зародышѣ ихъ организаціи.

Октябрьская забастовка увѣнчалась какъ будто бы и формальной побѣдой революціоннаго народа. Но не надо забывать, что эта *формальная* побѣда была весьма сомнительна. Манифестъ 17 октября выражался слишкомъ обще и неопредѣленно, двусмысленно и неясно. Въ немъ не было произнесено даже слово „конституція“. Во всякомъ случаѣ онъ и въ сравненіе не идетъ съ манифестами прусскаго короля и австрійскаго императора въ 1848 году. Напротивъ послѣдовавшія затѣмъ реакціонныя мѣры—„временныя правила“ о печати, союзахъ, собраніяхъ и избирательный законъ 11 декабря 1905 г.—свели къ минимуму, а во многомъ и вполнѣ уничтожили формальную побѣду народа въ октябрѣ.

Но реальная побѣда опять была внѣ сомнѣнія. Болѣе полуторыхъ мѣсяцевъ—почти два—Россія пользовалась неограниченной свободой, и никогда еще агитація и пропаганда не шли такъ быстро и не распространялись такъ широко въ народныхъ массахъ. Безъ преувеличенія можно сказать: революціонное развитіе городского населенія было въ это время въ главныхъ чертахъ завершено. Деревня пока была только еще слегка затронута. Углубленіе ея настроенія, упро-

ченіе въ ней революціонныхъ тенденцій, несомнѣнно уже намѣтившихся и развивавшихся, было дѣломъ будущаго.

И теперь, въ декабрѣ правительство могло трубить формальную побѣду съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ когда-либо раньше. Въ дни свободы, когда шла массовая агитація, когда въ упоеніи новыми перспективами мечтали объ окончательномъ крушеніи стараго строя, — этотъ старый строй собралъ всѣ свои послѣднія силы, вооружился съ ногъ до головы, воспользовался всѣми техническими средствами, какія въ обиліи находились въ его распоряженіи, и, опираясь на грубую, внѣшнюю, механическую силу, свалилъ съ ногъ октябрьскаго побѣдителя.

На поверхностный взглядъ казалось, что формальной побѣдѣ соотвѣтствуетъ и реальное торжество. Но это было только на поверхностный взглядъ. На дѣлѣ и декабрьское возстаніе и декабрьское пораженіе были новымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ революціи. То былъ кровавый, трудный шагъ, лишній разъ показывающій, какъ тяжко разрѣшается нонѣ великій кризисъ, — но все-таки это былъ реальный шагъ впередъ.

Въ этомъ нетрудно убѣдиться. Ясно прежде всего, что иллюзіи о существованіи въ Россіи конституціоннаго правительства разсѣялись какъ дымъ. Наивные люди прежде вѣрили въ него. Дубасовская, миновская и римановская расправа протрезвила ихъ, а обгорѣлыя развалины Прѣсни до сихъ поръ являются наглядным свидѣтельствомъ конституціонныхъ дѣйствій министерства Витте — Дурново и московскихъ исполнителей воли высшаго правительства. Таково первое реальное пріобрѣтеніе декабрьскихъ дней.

Вторымъ было дальнѣйшее революціонизированіе массъ. Правда, рабочія, трусливыя, тряпичныя души съежились, спрятались и смирились по внѣшности.

Но развѣ на дѣлѣ, въ дѣйствительности они успокоились и покорились? Рабъ, даже когда онъ униженно лижетъ руку своего господина, опасенъ: онъ ненавидитъ его и вмѣсто поцѣлуя всегда можетъ неожиданно и больно укусить.

Можно-ли запугать смѣлыхъ борцовъ? Смѣшно и задавать этотъ вопросъ. Быть можетъ, можно было ихъ всѣхъ истребить? Только наивное административное „умоначертаніе“ могло увлекаться подобной благоглупостью.

Но главное—были революціонизированы люди средніе, скромные, прежде только внѣшнимъ образомъ интересовавшіеся событіями, но не принимавшіе въ нихъ непосредственнаго участія. Разстрѣливать ссылать и гноить въ тюрьмѣ такихъ людей не хватило наглости даже у Дубасова. Ихъ не тронули и не могли тронуть. Но отъ нихъ навсегда или по крайней мѣрѣ надолго оторвали ихъ близкихъ, родныхъ и знакомыхъ, разрушили ихъ жилища, лишали ихъ часто послѣдняго достатка. И тѣ, кто былъ пассивенъ, стали активны. Исходъ будущихъ выборовъ былъ подготовленъ въ очень значительной степени декабрьскими днями. „Открыто бороться я не могу“, разсуждалъ средній обыватель, „но насиліе я ненавижу и чувство мести къ насильникамъ испытываю; а потому я попробую бороться законными средствами, — воспользуюсь конституціей“. Это было ошибочное, наивное разсужденіе, но въ немъ выразилась вся та степень революціонности, на которую способенъ средній обыватель, и въ тотъ моментъ тоже настроеніе имѣло свою цѣну,—и притомъ немалую.

Но было еще одно—третье реальное пріобрѣтеніе, не менѣе, если не болѣе, важное. Мудрые и солидные „реальные“ политики давно съ важностью заявили, что возстаніе—утопія. Многіе революціонеры колеба-

лись, имѣя передъ своими глазами техническія усовершенствованія военнаго дѣла. И вдругъ — восемь, десять дней уличной борьбы! Этотъ фактъ нельзя вычеркнуть. Онъ слишкомъ знаменателенъ. Важно и то, что борьба эта приняла новыя формы. Техническія усовершенствованія придали ей характеръ партизанской войны. И отъ этого ея значеніе не только не уменьшилось, но при данныхъ условіяхъ даже возросло.

Умудренные опытомъ „зрѣлые“ люди часто съ презрительной гримасой вспоминаютъ свою юность и пренебрежительно фыркаютъ при видѣ чужихъ юношескихъ увлеченій и восторговъ. Фыркаютъ и наши политически-зрѣлые мудрецы, вспоминая объ октябрьскихъ ноябрьскихъ и особенно декабрьскихъ дняхъ. Подобно кадетскому лейбъ-органу „Рѣчи“, они заводятъ пошлый и противный разговоръ о „проблематичности выступленій революціоннаго народа“, о наивности тѣхъ, кто вѣритъ въ эти выступленія.

Пускай мы юношески-наивны, пускай мы романтики, пускай мы увлекаемся и преувеличиваемъ,—но героическая попытка свергнуть однимъ великимъ напоромъ старую власть заставляетъ горячо и быстро биться наше сердце, воспоминаніе объ этомъ романтическомъ моментѣ революціонной борьбы намъ дорого и близко, — и мы твердо знаемъ, что тотъ, кто не вѣритъ въ непосредственныя выступленія революціоннаго народа, тотъ не демократъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Періодъ конституціонныхъ иллюзій.

I.

Въ январѣ 1906 года начался, а въ іюлѣ кончился слѣдующій моментъ въ исторіи русской революціи, который лучше всего назвать періодомъ конституціонныхъ иллюзій.

Къ этому времени буржуазія уже въ значительной степени дифференцировалась въ политическомъ отношеніи, и опредѣлились болѣе или менѣе отчетливо различныя направленія и теченія въ этой средѣ. Политическая организація буржуазныхъ классовъ общества сильно подвинулась впередъ.

Меньше всего успѣли съ организоваться настоящіе черносотенные элементы, опора стараго самодержавія. Такія организаціи, какъ союзъ русскаго народа, русское собраніе, партія царистовъ, русская монархическая партія, партія правового порядка были весьма слабы и не представляли собою органически-связнаго цѣлаго. Здѣсь группировались по преимуществу дикіе помѣщики-крѣпостники, владѣльцы обширныхъ латифундій, ведшіе въ своихъ имѣніяхъ крѣпостническое, кабальное (отработочное и испольное) хозяйство. Къ нимъ примыкали разорившіеся дворяне, живущіе подачками правительства, кое-какъ затыкавшіе дыры въ своемъ хозяйствѣ и карманѣ при помощи ссудъ изъ Дворянскаго банка, пособій, субсидій, арендъ и т. д.

То были настоящіе старые, облѣзлые, безсильно тявкающіе псы самодержавія. И вся эта почтенная компанія пополнялась разнаго рода грюндерами, основателями дутыхъ предпріятій, сомнительными биржевыми дѣльцами. Въ сущности она, повторяя на всѣ лады свои излюбленные лозунги вродѣ „бей жидовъ, студентовъ и демократовъ“, „пусть самодержавіе остается такимъ, какимъ было встарь“, и не нуждалось въ особой, спеціальной организаціи. Къ ея услугамъ была правительственная административная машина — явная и особенно тайная полиція, руководимая изъ петергофскаго кабинета генераломъ Треповымъ и вдохновляемая имъ же посредствомъ печатавшихся въ департаментѣ полиціи погромныхъ прокламацій. Дѣятельность и значеніе черной сотни исчерпывались устройствомъ погромовъ, вродѣ тверского и томскаго въ октябрѣ 1905 г., и позднѣйшихъ, изъ которыхъ главнымъ былъ разразившійся въ думскіе дни бѣлостокскій погромъ.

Гораздо прочнѣе съорганизовалась крупная буржуазія во главѣ съ Гучковымъ. Богатѣйшіе капиталисты были довольны тѣмъ, что было провозглашено въ манифестѣ 17 октября и вопили не только о „хозяйственной дезорганизаціи“, но и о „низости“ забастовочной борьбы, утверждая въ октябрѣ и ноябрѣ, что возстаніе много лучше и возвышеннѣе. Когда разгорѣлось декабрьское московское возстаніе, и оказалось, что настоящая партизанская война — непреложная дѣйствительность, воочію наблюдаемая на улицахъ Москвы,—тогда возстаніе квалифицировалось такъ-же, какъ и стачки, а затѣмъ, въ январѣ, во врямя пира на костяхъ погибшихъ героевъ, московскій городской голова торжественно проклялъ дѣло революціи, вознесъ превыше небесъ ея палачей и тѣмъ окончательно скрѣпилъ союзъ между крупной

буржуазіей и правительствомъ. Чрезвычайная охрана и военное положеніе были санкціонированы. Для крупной буржуазіи революція кончилась, сдѣлка состоялась. Этотъ классъ былъ увѣренъ, что его властное значеніе въ достаточной мѣрѣ обезпечено, и, предоставляя грязное дѣло кровавой расправы старой бюрократіи, готовился взять власть въ свои руки въ подходящій моментъ, который будетъ выбранъ имъ самимъ.

Надо однако замѣтить, что въ союзѣ 17 октября было два дефекта: одинъ былъ простой болѣзнью роста и потому могъ быть устраненъ и дѣйствительно былъ устраненъ съ теченіемъ времени; другой являлся органическимъ разстройствомъ, хронической, неизлѣчимой, наслѣдственной болѣзнью. Болѣзнь роста состояла въ томъ, что союзъ не былъ еще достаточно сплоченнымъ и единымъ цѣлымъ, привлекалъ къ себѣ отчасти и чисто-черносотенные элементы, отчасти и болѣе лѣвые—богатыхъ помѣщиковъ, не всегда уже ведшихъ кабальное хозяйство, а переходившихъ отчасти къ болѣе совершеннымъ пріемамъ капиталистической эксплуатаціи. Вождями этого элемента, пока входившаго еще въ составъ союза 17 октября, были графъ Гейденъ, Стаховичъ и Шиповъ.

Органическая болѣзнь состояла въ томъ, что за союзомъ 17 октября не стояли массы. Массы были необходимы: русская „конституція“ пришла слишкомъ поздно, чтобы отечественные толстосуммы могли одни заправлять всѣмъ. И они это смутно понимали. Недаромъ сдѣлана была попытка привлечь въ лоно союза прикащиковъ, конторщиковъ и всякаго рода „подручныхъ“ и „сидѣльцевъ“. Культурные и полукультурные Киты Китычи, побывавшіе и въ университетѣ, и по заграницѣ поѣздившіе, и молодецкую свою удаль испытавшіе въ чужихъ странахъ, и жаждущіе прослыть знатоками живописи, поэзіи и музыки, даже арти-

стами, снизошли до своихъ служащихъ и пригласили ихъ въ свои хоромы. Здѣсь съ кислосладкой улыбкой преподнесли они имъ рацею о тождествѣ интересовъ „всего торгово-промышленнаго класса“, т.-е. и хозяевъ и ихъ наемныхъ служащихъ, но видимо и сами почувствовали неловкость, ненужность, лживость и безполезность подобныхъ рацей и скоро завяли со своей агитаціей. А служащіе почтительно выслушали хозяевъ, промолчали, но думали *свою* думу. И эта дума была далеко не октябристская. Было ясно, что союзъ 17 октября массовой партіей быть не можетъ. А при такихъ условіяхъ ему приходилось только сказать себѣ: „оставь всякую надежду“...

II.

Октябристы однако надѣялись еще побѣдить на почвѣ „конституціи“ 11 декабря. И эту побѣду они рѣшили подготовить, завладѣвъ положеніемъ въ земствахъ и думахъ. Въ думахъ при ихъ капиталистическомъ большинствѣ это было всего легче, и вотъ мы наблюдаемъ умилительную картину того, какъ либеральничавшіе раньше русскіе муниципалитеты, вродѣ московскаго, рѣзко поворачиваютъ вспять. Подобно тому какъ фабриканты и заводчики, воспользовавшись временнымъ приниженіемъ революціоннаго движенія, стали снова сбавлять плату рабочимъ, увеличивать рабочій день и наши городскія думы въ январѣ, февралѣ и мартѣ быстро и дружно пошли по дорогѣ экономической реакціи. Либеральничавшіе городскіе головы полетѣли съ мѣсть. Ихъ замѣнили истые октябристы.

Въ земствахъ и неудобно было сразу смѣнить старыя, большею частью кадетскія по своему составу

управы. Имъ, какъ и земскимъ и городскимъ служащимъ, задали по крайней мѣрѣ хорошую проборку и объявили строгое предостереженіе. Впрочемъ съ „третьимъ элементомъ“ церемонились меньше: прямо погнали всѣхъ непокорныхъ забастовщиковъ и видныхъ членовъ союзовъ земскихъ и городскихъ служащихъ.

Въ качествѣ типичнаго примѣра земской реакіи нельзя не припомнить знаменитой исторіи въ московскомъ губернскомъ земствѣ. Лидеръ Союза 17-го октября Гучковъ совершилъ лихой набѣгъ на кадетскую управу, возложивъ на нее черезъ посредство губернскаго земскаго собранія функціи охраннаго отдѣленія по отношенію къ третьему элементу. Управа огорчилась-было и подала въ отставку, но тутъ выступилъ на сцену почтенный дядюшка или, если хотите благородный отецъ—Шиповъ, который и помирилъ октябристовъ съ кадетами, упросивъ послѣднихъ остаться, а первыхъ не очень ужъ напирать по части полицейскаго сыска. И воцарилась снова въ московскомъ земствѣ тишь, гладь да Божья благодать. Трогательно!

Въ сущности это вполнѣ естественно и понятно. Черное крыло зловѣщей птицы—реакціи коснулось своимъ крыломъ и кадетовъ правыхъ и даже лѣвыхъ—и культурныхъ помѣщиковъ и мелкобуржуазной интеллигенціи. Тѣ и другіе были порядочно напуганы возстаніемъ, пушечной и ружейной пальбой, пожарами, разстрѣлами и открывавшейся, казалось, перспективой „диктатуры пролетаріата и крестьянства“. И вопли о „хозяйственной дезорганизаціи“, „анархизмѣ“ и „утопизмѣ“ крайнихъ лѣвыхъ, давно уже раздававшіяся въ кадетскихъ рядахъ, усилились, окрѣпли и стали слышаться яснѣе. Отчего-же въ самомъ дѣлѣ не толкнуть лежачаго? И чѣмъ кадетская партія не за-

щитница интересовъ рабочаго класса? Стали издавать кадетскую рабочую газету „Рабочее Слово“, проповѣдывавшее синдикализмъ и рекомендовавшее рабочимъ не составлять своей особой политической организаціи, отказаться отъ соціалдемократической партіи. Кадетская зубатовщина впрочемъ скоро кончилась совершеннымъ крахомъ: „Рабочее Слово“ умерло естественной смертью отъ равнодушія рабочихъ.

Рабочихъ не удалось привлечь подъ свое знамя. Не смущаясь неудачей, кадеты направили свои сѣти на уловленіе другого массоваго избирателя,—городской мелкой буржуазіи,—мелкихъ торговцевъ, содержателей ремесленныхъ мастерскихъ, разный служащій людъ,—захватили и полупролетарскіе слои городского населенія,—приказчиковъ, конторщиковъ и вообще торговыхъ служащихъ. Здѣсь успѣхъ былъ вѣрнѣе, жатва обильнѣе. Городская мелкая буржуазія тоже вынесла серьезное нервное потрясеніе во время возстанія и, наблюдая его неудачу, естественно обратила свои взоры въ строну предлагаемой ей „мирной борьбы“. Конституціонныя иллюзіи,—вѣра въ реальность русской конституціи, въ силу Думы, въ магическія свойства представительныхъ учрежденій, независимы, отъ самодѣятельности и активной поддержки со стороны народныхъ массъ,—были въ высокой мѣрѣ свойственны мелкобуржуазнымъ умамъ. Измученнымъ треволненіями революціи людямъ казалась столь заманчивой и пріятной мысль, что излюбленные люди все устроятъ по хорошему и все успокоятъ безъ дальнѣйшаго воздѣйствія на нихъ со стороны народа.

Нѣсколько колебались только полупролетарскіе слои городскаго населенія. Но колебанія ихъ относились не къ вопросу о конституціи и ея значеніи,—въ этомъ отношеніи конституціонныя иллюзіи ими

владѣли безраздѣльно,—а касалась лишь необходимости голосовать за кадетовъ. Въ Москвѣ, напр., и соціалдемократической партійной организаціи и отдѣльнымъ представителямъ партіи приходилось неоднократно получать заявленія отъ торговыхъ служащихъ, обращавшихся группами и отдѣльно и сообщавшихъ что, если бы соціалдемократическая партія не бойкотировала выборы, голоса подавались бы полупролетарскими массами за ея кандидатовъ.

Въ концѣ концовъ побѣда на выборахъ досталась кадетамъ, причемъ ни для кого не было секретомъ, что тактика бойкота, усвоенная крайними лѣвыми, сильно облегчила эту побѣду.

Избирательная побѣда конституціонно-демократической партіи была, несомнѣнно, весьма знаменательнымъ фактомъ. Оказалось, что главная масса явившихся къ урнамъ избирателей настроена была враждебно къ правительству. Симптомъ для правительства былъ не изъ успокоительныхъ,—тѣмъ болѣе, что масса избирателей, подававшихъ голоса за кадетовъ была настроена гораздо агрессивнѣе своихъ избранниковъ. Большинство первой Государственной Думы было гораздо правѣе своихъ довѣрителей.

III.

Къ тому времени конституціонно-демократическая партія, объявившая себя партіей народной свободы, успѣла уже окончательно формулировать всѣ прежде неясные и неопредѣленные пункты своей программы. Кадеты рѣшительно объявили себя партіей конституціонно-монархической, дѣлящей верховную власть между народомъ и монархомъ, и ввели въ свою аграрную программу параграфъ о земельномъ фондѣ, о

передачѣ земли малоземельнымъ и безземельнымъ лишь въ аренду изъ этого фонда, а не въ собственность. Идея, которая носилась передъ составителями этого параграфа, ясна: хотѣли создать на будущее предохранительный клапанъ противъ дальнѣйшихъ экспропріацій частновладѣльческой земли. Противники кадетовъ справа упрекали ихъ по этому поводу въ соціалистическихъ тенденціяхъ—и совершенно напрасно. Скорѣе напротивъ: ихъ можно было и должно было упрекнуть въ невѣріи въ соціализмъ, явно сквозившемъ въ попыткѣ создать какой-то уродливый паллiативъ, какую-то ублюдочную форму.

Тактика тоже приняла окончательно мирную окраску. Много было исписано чернилъ и потрачено краснорѣчія на апологію „мирной борьбы", въ которой мѣсто ружей, пушекъ, пулеметовъ и бомбъ занимаютъ избирательные бюллетени. И въ Думѣ эта тактика проводилась кадетской партіей настойчиво и съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи. Стоитъ только вспомнить, какъ кадеты сдѣлали bonne mine mauvars jeu въ исторіи съ неудачной попыткой представленіе отвѣтнаго адресса черезъ особую депутацію; стоитъ припомнить многочисленные, болѣе чѣмъ умѣренные, грозившіе пятилѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпость и трактовавшіе о множествѣ разныхъ ограниченій и стѣсненій законопроекты о разныхъ свободахъ (точнѣе—объ ограниченіяхъ свободъ). Нельзя забывать и о многократныхъ вѣрноподданическихъ кувырканьяхъ, которыми особенно отличался кадетскій златоустъ—г. Родичевъ. Словомъ, кадеты не только появились въ Думѣ вслѣдствіе конституціонныхъ иллюзій среди буржуазіи, но и сами воспитывали и развивали всѣми зависящими отъ нихъ средствами конституціонныя иллюзіи. Основная цѣль ихъ ясна—прибитые къ власти путемъ соглашенія съ правитель-

ствомъ, получить этою цѣною министерскіе портфели. Недаромъ же послѣ роспуска Думы г. Струве указывалъ что правительство напрасно погорячилось и поторопилось: можно бы кое-что и посбавить изъ тѣхъ требованій, которые изложены были въ думскомъ адресѣ.

„Рѣчь“ позднѣе, послѣ разгона Думы, во время репрессій, когда соціалистической печати былъ зажатъ ротъ, какъ-то обмолвилась упрекомъ въ обывательщинѣ по адресу крайнихъ лѣвыхъ. Упрекъ былъ мотивированъ тѣмъ, что-де нѣтъ ничего позорнаго для партіи стремиться къ министерскимъ портфелямъ, что только обыватели видятъ тутъ что-то мелкое и личное, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тутъ преслѣдуются широкія общественныя задачи.

Упрекъ почтенной газеты основанъ на передержкѣ, можетъ быть и невинной, допущенной по наивности. Кадетскій центральный органъ не досмотрѣлъ того, что соціалисты упрекаютъ кадетовъ не за стремленіе добиться власти, заполучить министерскіе портфели а за то, что они стремятся сдѣлать эти пріобрѣтенія *путемъ сдѣлки* со старымъ режимомъ. Полемическіе пріемы „Рѣчи“ невольно напоминаютъ неудачный выпадъ одного изъ кадетскихъ митинговыхъ ораторовъ въ Москвѣ во время избирательной кампаніи. Когда одинъ соціалдемократъ съ насмѣшкой и негодованіемъ отмѣтилъ, что г. Струве, послѣ 9 января клявшійся печатно въ „Освобожденіи“ не говорить съ самодержавіемъ, въ дни свободы бесѣдовалъ наединѣ съ его слугой графомъ Витте, то кадетскій ораторъ упрекнулъ и соціалдемократовъ въ сношеніяхъ съ правительствомъ: они-де въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ сносились съ гр. Витте и въ московской думѣ вели переговоры съ буржуазными гласными и управой въ октябрьскіе дни. Онъ забылъ при этомъ немногое,—

тонъ и характеръ этихъ сношеній: на телеграмму Витте къ „братцамъ рабочимъ“ петербургскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ отвѣтилъ, что „пролетаріатъ ни въ какомъ родствѣ съ гр. Витте не состоитъ“ и продолжаетъ итти своей дорогой, а соціалдемократъ въ московской думѣ приглашалъ гласныхъ сложить свои полномочія для передачи ихъ городскимъ населеніямъ тѣмъ, кто будетъ выбранъ посредствомъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. О подобной-же „мелочи“, „детали“ забыла и въ данномъ случаѣ „Рѣчь“ и тѣмъ только лишній разъ показала, что обывательскій методъ мышленія свойственъ кадетамъ, а не соціалдемократамъ.

IV.

Вѣсть о Думѣ и выборахъ, пришедшая въ деревню, должна была всколыхнуть и дѣйствительно всколыхнула послѣднюю до самыхъ ея глубинъ. Простой, непосредственный складъ мышленія темнаго, сѣраго крестьянина, сталкиваясь съ произволомъ и насиліемъ близкихъ къ деревнѣ властей, не мирился и не могъ помириться съ мыслью о томъ, что все государство покоится на этомъ произволѣ и насиліи. Несправедливости и притѣсненія онъ объяснялъ себѣ тѣмъ, что „до Бога высоко, до царя далеко“, но идея о царѣ, благодѣтельной для народа власти жила въ крестьянской душѣ. Въ сущности въ личности царя здѣсь персонифицировалась идея государства, какъ учрежденія, выражающаго интересы народныхъ массъ, идею общаго блага.

Казалось, что достаточно найти путь къ этой высокой власти, сказать ей всю правду, „дойти до царя“,—и все будетъ хорошо. Если въ глазахъ петер-

бургскихъ рабочихъ до 9-го января легенда о демократизмѣ самодержавія имѣла значеніе истины, то тѣмъ болѣе это можно сказать о сѣрой крестьянской массѣ. Крестьянинъ не конструировалъ никакой юридической схемы, выражавшей соотношеніе между народомъ и царемъ, онъ только до боли реально чувствовалъ необходимость пріобщенія народа къ верховной власти, необходимость того, чтобы государство управлялось волею народа, потому что „народъ„, „міръ“, „громада“ можетъ принять только хорошія, полезныя рѣшенія. Олицетворяя въ царѣ идею государства, какъ общественнаго союза, имѣющаго цѣлью общее благо, крестьянинъ думалъ, что воля царя не можетъ быть несогласна съ волей народа, что если это не такъ, то этому мѣшаютъ „господа“. И потому когда объявлено было о выборахъ въ Государственную Думу, мысль о властности этой Думы не могла въ глазахъ крестьянина подлежать никакому спору и никакимъ сомнѣніямъ: царь, недоволный господами и чиновниками, хочетъ непосредственнаго общенія съ самимъ народомъ, хочетъ выслушать его волю. И, конечно, онъ хочетъ исполнить его волю,—иначе зачѣмъ же выборы? да и не можетъ царь, имѣющій въ виду благо народа, не исполнить воли этого народа.

Такъ разсуждалъ сѣрый русскій мужикъ, выбирая своихъ первыхъ депутатовъ. Конституціонныя иллюзіи въ этой общественной средѣ принимали своеобразную окраску, преломлялись чрезвычайно прихотливо, но отъ этого они не только не теряли своей силы, а напротивъ пріобрѣтали новую.

Была, правда, еще одна струя въ крестьянской массѣ, противорѣчившая этимъ господствующимъ воззрѣніямъ. Они нашли себѣ на мой взглядъ весьма яркое выраженіе въ одномъ наблюденіи, сдѣланномъ

мною однажды въ Москвѣ во время, непосредственно предшествовавшее выборамъ. Въ конку—медлительную, неповоротливую, грязную московскую конку сѣли двое—зажиточный мужикъ и бѣднякъ сѣрый мужичонко, недавно, очевидно, прибывшій изъ деревни. Его желтыя глаза выглядывали изъ подъ рваной шапчонки опасливо и подозрительно. Первый развернулъ газету и началъ вслухъ дѣлиться впечатлѣніями и надеждами на будущую Думу. Съ нимъ вступили въ разговоръ сосѣди. Надежды окрыляли всѣхъ говорившихъ. Сѣрый мужичонко, давно оглядывавшій всѣхъ съ безпокойствомъ и подозрительностью затравленнаго звѣря, видящаго въ каждомъ встрѣчномъ врага, вдругъ заговорилъ сиплымъ, простуженнымъ голосомъ: „Ничего не будетъ! ерунда все одна! всегда богатый у бѣднаго на плечахъ сидѣть будетъ!“ Настроеніе сразу поднялось на значительную высоту, поднялся шумъ, споръ, голоса возвысились, мужичонка старались разубѣдить. Онъ молчалъ, недовѣрчиво перебѣгая глазами съ лица на лицо, и выходя изъ вагона на станціи еще разъ повторилъ: „всегда бѣдному человѣку будетъ худо!“ Я думаю, что подобная философія отчаянія не была совершенною рѣдкостью въ русской деревнѣ, и что она сыграла не малую роль въ выборномъ абсентеизмѣ. Но, конечно, не она играла первую, главную роль во время деревенской избирательной кампаніи.

Итакъ, выбирая своихъ депутатовъ въ Думу, крестьяне были переполнены инстинктивнаго, наивнаго, смутнаго, но несокрушимаго убѣжденія во властности Думы. Если-бы кто-нибдь сталъ разубѣждать ихъ въ этомъ, они въ главной массѣ не повѣрили бы этому. Эта наивная вѣра придаетъ конституціоннымъ иллюзіямъ крестьянства демократическій характеръ и заставляетъ насъ ставить ихъ на одну доску

съ кадетскими конституціонными иллюзіями: кадеты не наивны, они понимали дѣйствительное положеніе вещей, и если они усыпляли вниманіе обывателя, если они не указывали ему на необходимость внѣдумской борьбы, если они не развивали въ немъ вѣры въ самостоятельное значеніе Думы, то они несомнѣнно сознательно, изъ боязни революціи воспитывали въ массахъ конституціонныя иллюзіи,—и пожали заслуженно плоды своей контръ-революціонной тактики послѣ разгона Думы.

И при всѣхъ своихъ иллюзіяхъ крестьянство оставалось все-таки гораздо революціоннѣе городской мелкой буржуазіи. Это видно, прежде всего, изъ того, кого оно послало въ Думу. Тѣ „трудовики". которые слагались въ единое цѣлое въ процессѣ думскихъ работъ, были по существу своему много революціоннѣе кадетскихъ витій, и подпись ими особаго революціоннаго воззванія въ Выборгѣ, независимаго отъ кадетскаго выборгскаго воззванія, ясно показываетъ, какъ далеко впередъ ушли они въ этой эволюціи.

Вторымъ, еще болѣе вѣскимъ доказательствомъ революціонности крестьянства является продолженіе и ростъ аграрныхъ волненій, несмотря на выборы и засѣданія Думы. Мелкая буржуазія выбрала своихъ депутатовъ и замерла въ квіетизмѣ, почила на лаврахъ. Депутаты эти вяло и рѣдко общались съ ней. Она сама не составляла живого, постояннаго фундамента для ихъ дѣйствій, не рвалась впередъ, не поддерживала ихъ собраніями, демонстраціями, адресами, депутаціями. Крестьяне чаще дѣлали все это. Но не только это они дѣлали. *Они боролись внѣ Думы.* Ихъ здоровое, непосредственное, демократическое чувство, голодъ и нужда, притѣсненія и насилія сдѣлали ихъ болѣе дальновидными политическими дѣятелями, чѣмъ были городскіе мелкіе буржуа.

Крестьянское разрушительное, стихійное движеніе продолжалось и росло и въ началѣ года, и въ маѣ и іюнѣ, когда засѣдала Государственная Дума. Въ началѣ года рубили помѣщичьи и удѣльные лѣса въ Тверской, Новгородской и Архангельской губерніяхъ и сжигали помѣщичьи усадьбы и постройки въ губерніяхъ Новгородской, Минской, Калужской, Черниговской, Полтавской, Тамбовской и Саратовской. Въ маѣ и іюнѣ пожары и разоренія охватили Минскую, Гродненскую, Смоленскую, Вятскую, Тверскую, Ярославскую, Кіевскую губерніи; въ Казанской губерніи аграрное движеніе распространилось въ трехъ уѣздахъ. Но нигдѣ въ то время не было столь сильныхъ крестьянскихъ безпорядковъ, какъ въ самой больной аграрнымъ вопросомъ мѣстности — въ центральной черноземной полосѣ: въ Тульской, Рязанской, Орловской, Курской, Полтавской губерніяхъ количество разоренныхъ имѣній не превышало еще десятка, но цѣлыми десятками считались они въ Самарской и Саратовской губерніяхъ, а въ Воронежской аграрнымъ пожаромъ охвачены были три уѣзда, причемъ въ одномъ изъ нихъ—Бобровскомъ — аграрное движеніе вспыхнуло разомъ на пространствѣ двухсотъ верстъ.

Не ограничиваясь простымъ разореніемъ, крестьяне чаще, чѣмъ прежде, стали захватывать землю въ свое владѣніе. Такъ было въ Кіевской, Курской, Нижегородской, Смоленской губерніяхъ. Въ селѣ Терновѣ Харьковской губ. помѣщичья земля была раздѣлена по душамъ.

Отъ арендованной земли отказывались полтавскіе, саратовскіе, курскіе, донскіе крестьяне.

Возникли, наконецъ, новыя формы аграрнаго движенія,—сельско-хозяйственныя забастовки и открытая война съ властями на подобіе той, которая раньше

велась въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ и въ Сибири. Забастовки охватили Польшу, Полтавскую, Харьковскую и Тверскую губерніи. Война съ властями открылась по отдѣльнымъ деревнямъ и селамъ губерній Новгородской, Тверской, Витебской, Гродненской, Херсонской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской.

Таково было въ главныхъ чертахъ отношеніе крестьянства къ современному положенію въ періодъ конституціонныхъ иллюзій. Повторяю: здѣсь было во много разъ больше настоящаго, хотя и инстинктивнаго, политическаго чутья, чѣмъ въ кадетской средѣ. Тамъ были жажда соглашенія и боязнь революціи, откуда проистекало фактическое безсиліе. Здѣсь были наивная увѣренность во властности Думы и безпокойное, непрерывное, постепенно растущее, но все еще малосознательное массовое движеніе, откуда должны были возникнуть разочарованіе и высшая сознательность, а, слѣдовательно, и несомнѣнная сила и грядущая побѣда.

V.

Остается пролетаріатъ. Какъ онъ смотрѣлъ на положеніе дѣлъ?

Широкія пролетарскія массы, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, были въ значительной степени заражены конституціонными иллюзіями подобно другимъ общественнымъ классамъ. Массовый рабочій, если и не валилъ валомъ къ урнамъ, чтобы голосовать за кадетовъ какъ самую крайнюю изъ партій, участвовавшихъ въ выборахъ, то все-таки смутно ждалъ чего-то отъ Думы и взиралъ на нее съ затаенной надеждой, хотя надежда эта уже въ значительной степени была от-

равлена и поколеблена. Въ такихъ тайныхъ ожиданіяхъ малосознательнаго массовика нѣтъ ничего удивительнаго или необъяснимаго. Въ демократизмѣ самодержавія его разочаровало 9-е января, а декабрьское пораженіе заставило его усумниться въ возможности близкой рѣшительной побѣды. Какъ было не поколебаться и не повѣрить въ компромиссъ?

Избавиться отъ этого можно было только при наличности высокой степени развитія классоваго самосознанія и политической зрѣлости. Сознательная, передовая часть пролетаріата, организованная въ соціалдемократическую партію, и выразила ясно свое отношеніе къ Государственной Думѣ, чуждое конституціонныхъ иллюзій.

Россійская соціалдемократическая партія давно уже дѣлилась на двѣ фракціи, со времени третьяго съѣзда окончательно отдѣлившіяся одна отъ другой въ организаціонномъ отношеніи. Одна изъ этихъ фракцій—меньшевики — высказались за бойкотъ Думы, но за участіе въ выборахъ. Предполагалось, что выборы съорганизуютъ массы, поднимутъ ихъ настроеніе. А затѣмъ имѣлось въ виду изъ выборщиковъ въ рабочей куріи создать нѣкоторое подобіе всероссійскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, который, опираясь на высокій авторитетъ, приданный ему фактомъ пролетарскаго избранія, долженъ былъ стать во главѣ революціоннаго движенія или, по крайней мѣрѣ, во главѣ сознательныхъ рабочихъ въ ихъ революціонной борьбѣ. Членовъ Думы меньшевики отказывались выбирать, не признавая за Думой значенія конституціоннаго учрежденія. Другая фракція россійской соціалдемократіи—большевики—высказалась за бойкотъ не только Думы, но и выборовъ. Главныя возраженія противъ меньшевистской тактики строились приблизительно слѣдующимъ образомъ: 1) бойкотъ Думы безъ бой-

кота выборовъ неосуществимъ: разъ будутъ выбраны выборщики, — неизбѣжно будутъ выбраны и члены Думы; 2) учредить новый, на этотъ разъ всероссійскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ невозможно: существованіе его не будетъ допущено, и онъ просто прослѣдуетъ въ тюрьму безъ всякой пользы для дѣла, такъ какъ немедленнаго открытаго революціоннаго выступленія пролетаріата и всего революціоннаго народа ожидать нельзя. Жизнь подтвердила справедливость перваго возраженія: тамъ, гдѣ попытались произвести бойкотъ на второй или на третьей стадіи, т. е. при выборахъ выборщиковъ или при выборахъ членовъ Думы, эта попытка кончилась совершеннымъ фіаско. Такъ было, напримѣръ, въ Иваново-Вознесенскѣ и въ Московской окружной организаціи. Это вполнѣ понятно: бойкотъ — массовое выраженіе протеста и возлагать его на выборныхъ делегатовъ отъ массъ, по необходимости малочисленныхъ, значитъ налагать на нихъ бремя неудобоносимое, подводить ихъ подъ слишкомъ серьезную отвѣтственность. Провѣрить второе возраженіе не пришлось, такъ какъ меньшевистская тактика партіей была отвергнута. Бойкотистскими были и національныя соціалдемократическія организаціи, сохранившія обособленное отъ партіи существованіе, — Бундъ, соціалдемократія Польши и Литвы, Латышская соціалдемократическая партія. Особое положеніе занимали нѣкоторые соціалдемократы во главѣ съ Плехановымъ: онъ высказался за полное участіе въ выборахъ, цѣня агитаціонное значеніе выборовъ и Думы. Впрочемъ, Плехановъ высказалъ свое мнѣніе уже довольно поздно, когда вопросъ былъ рѣшенъ.

Каковы-же были основанія тактики бойкота, принятой соціалдемократіей въ Россіи при выборахъ въ первую Думу? Къ числу этихъ основаній вовсе не

принадлежало несовершенство избирательной системы. Соціалдемократія не переставала рѣзко критиковать эту уродливую, чудовищную, нелѣпую систему и тактикой бойкота протестовала противъ нее самымъ рѣшительнымъ образомъ, но все-таки не она вызвала бойкотъ. Онъ не былъ вызванъ также и репрессіями правительства во время избирательной кампаніи, хотя опять таки соціалдемократія обличала эти репрессіи и протестовала противъ нихъ тактикой бойкота. Основная причина бойкота заключается въ томъ, что участвовать въ выборахъ въ Думу *при полномъ почти господствѣ конституціонныхъ иллюзій,* при наивной вѣрѣ въ Думу какъ конституціонное учрежденіе значило бы отказаться отъ революціоннаго лозунга соціалдемократіи—Учредительнаго Собранія и отвлечь вниманіе отъ внѣдумской борьбы. Разрушить конституціонныя иллюзіи или, по крайней мѣрѣ, указать, что это дѣйствительно иллюзіи,—вотъ цѣль бойкота. Въ условіяхъ того момента немыслимо было участвовать въ выборахъ съ цѣлью организовать пролетаріатъ и вообще весь революціонный народъ для завоеванія Учредительнаго Собранія: этому мѣшали конституціонныя иллюзіи. Приходилось пожертвовать организаціей массъ во время выборовъ—въ виду невозможности близкаго открытаго революціоннаго выступленія,—и агитаціей черезъ Думу (но не агитаціей во время выборовъ—она производилась) въ виду невозможности для партіи питать конституціонный самообманъ. Соціалдемократія тактикой бойкота открыто, прямо и ясно заявила народу: Дума — безвластна, она—попытка создать огромный, постоянный обманъ для народа, грандіозную провокацію; надо бороться за Учредительное Собраніе. И это заявленіе блистательно оправдалось исторіей первой Думы и ея разгономъ. Партія можетъ только гордиться тѣмъ, что она

правильно оцѣнила положеніе и указала вѣрную дорогу.

Бойкотъ не удался внѣ рабочей куріи. Мы уже знаемъ—почему: потому что массы городской мелкой буржуазіи и крестьянства наивно вѣрили въ Думу какъ конституціонное учрежденіе. Бойкотъ въ рабочей куріи удался лишь отчасти. Онъ удался въ Петербургѣ, гдѣ рабочіе выбирали въ уполномоченные фабричную трубу и собаку Розку. Удался отчасти въ Москвѣ, гдѣ болѣе ста крупныхъ фабрикъ примкнуло къ бойкоту, и лишь потомъ хозяева путемъ обмановъ, чуть не насильственныхъ сгоновъ рабочихъ въ небольшомъ числѣ на выборы и иногда простой окклама-ціи приказчика или управляющаго устроили комедію выборовъ, причемъ все-таки иногда рабочіе выбирали въ уполномоченные не того, кому довѣряли, и руководились при выборахъ нерѣдко курьезными основаніями, обличавшими отрицательное отношеніе къ властямъ и самымъ выборамъ: такъ на одной фабрикѣ выбрали уполномоченнымъ рабочаго, бывавшаго по разнымъ дѣламъ въ городской думѣ, и объяснили это тѣмъ, что въ случаѣ чего онъ легче другихъ можетъ найти себѣ выходъ изъ знакомаго зданія. Имѣлъ успѣхъ бойкотъ и въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ фабричныхъ центрахъ, а также въ Польшѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ. Но все-таки во многихъ мѣстахъ рабочіе не провели бойкота отчасти потому, что пытались провести его не въ первой стадіи, отчасти и по той причинѣ, что малосознательныя рабочія массы не были чужды конституціонныхъ иллюзій.

Говоритъ-ли эта частичная неудача бойкота противъ бойкотистской тактики, принятой на первыхъ выборахъ? Конечно, нѣтъ. Она показываетъ только, что часть пролетаріата и вся буржуазія недостаточно политически—зрѣлы, что они нуждаются въ серьезномъ

предметномъ урокѣ. Но неужели же вслѣдствіе этого партіи сознательнаго пролетаріата нужно было отказаться отъ правильнаго пониманія дѣла и сознательно присоединиться къ заблужденіямъ массы, по преимуществу буржуазной массы? Никогда!

И однако большинство нашей партіи поколебалось. Безъ сомнѣнія, здѣсь повліяла и частичная неудача бойкота, и то огромное агитаціонное значеніе, какое несомнѣнно имѣла думская трибуна. Объединительный съѣздъ рѣшилъ принять участіе въ выборахъ тамъ, гдѣ они еще не были произведены. Въ результатѣ была побѣда нѣсколькихъ соціалдемократическихъ кандидатовъ и образованіе думской соціалдемократической фракціи. Но, принимая тактику участія въ выборахъ, объединительный съѣздъ остался всетаки на революціонной почвѣ: соціалдемократы въ Думѣ должны были, пользуясь думской трибуной съ цѣлями агитаціи, въ то же время толкать влѣво Думу, вызывать конфликты съ правительствомъ внутри Думы, содѣйствовать внѣдумскимъ конфликтамъ народа съ правительствомъ и постоянно изобличать половинчатость и буржуазность думскаго большинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ категорически высказался противъ всякаго рода избирательныхъ блоковъ.

VI.

Хорошо извѣстно и не къ чему скрывать, что въ дѣятельности и заявленіяхъ соціалдемократической фракціи въ первой Государственной Думѣ было много пробѣловъ и недостатковъ. Странно было, напр., читать въ декларації фракціи о томъ, что интересы *всѣхъ* классовъ общества *одинаково* противорѣчатъ самодержавію. Не менѣе страннымъ было въ устахъ

соціалдемократа заявленіе о необходимости „безпартійной“ арміи. Слѣдовало болѣе энергично настаивать на томъ, чтобы правительству не ассигновались совсѣмъ деньги на продовольственное дѣло, а были-бы переданы въ распоряженіе особой коммиссіи, выбранной Думой, и т. д. Только противодѣйствіе пролетарской массы удержало с.-д. депутатовъ отъ прямого присоединенія къ лозунгу „министерства изъ большинства Думы“.

Но если соціалдемократическая фракція была далеко не безупречна, то о думскомъ большинствѣ, о Думѣ вообще можно сказать прямо, что они заслуживали не меньшихъ порицаній, чѣмъ похвалъ. Конечно, Дума была великолѣпной агитаціонной трибуной и съ этой точки зрѣнія она была использована превосходно. Это—ея великая и неоспоримая заслуга.

Плюсомъ я считаю и рѣзкія обличенія по адресу правительства, и такіе акты, какъ изгнаніе генерала Павлова. Даже кадетскіе законопроекты были въ своемъ родѣ превосходны, такъ какъ представляли собою яркія иллюстраціи кадетскаго пониманія свободы, при которомъ свобода совѣсти сокращается до простой вѣротерпимости (въ проектѣ ни слова не было о правѣ не исповѣдывать никакой религіи, безъ всякихъ правоограниченій для тѣхъ, кто религіи не имѣетъ, и напротивъ нѣкоторыя статьи проекта давали возможность предполагать эти правоограниченія), свобода печати выражается въ рядѣ ограниченій ея, причемъ сохраняются и особыя понятія преступленія въ печати, и суровыя кары за подобныя преступленія (восмилѣтняя каторга по первоначальному проекту и пятилѣтнее заключеніе въ крѣпости по переработанному), а вмѣсто свободы собраній преподносятся правила, направленныя къ тому, чтобы массовыя народныя собранія собирались возможно рѣже и съ

возможно-большими затрудненіями. Превосходенъ въ своемъ родѣ былъ также отказъ кадетовъ въ требованіи учредить для обсужденія и разработки аграрнаго вопроса на мѣстахъ комитеты на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

Но всякій понимаетъ, конечно, что послѣднія похвалы, касающіяся кадетскихъ законопроектовъ и противодѣйствія кадетской партіи демократическому рѣшенію аграрнаго вопроса, звучатъ иначе, чѣмъ похвалы агитаціонной дѣятельности Думы или инциденту съ Павловымъ. Агитація и изгнаніе Павлова — дѣйствительно положительныя заслуги Думы. А кадетскимъ самообличеніямъ приходится радоваться именно какъ самообличеніямъ, превосходно подтверждающимъ ту характеристику этой партіи, какую всегда давала соціалъ-демократія. Съ этой точки зрѣнія перлами также были каждое слово представителей правительства въ Думѣ, знаменитая декларація кабинета Горемыкина и рѣдкое по своей цѣльности обращеніе правительства къ народу по аграрному вопросу: вѣдь всѣ эти акты и факты превосходнѣйшимъ образомъ вскрывали черносотенную сущность самодержавія.

Великій грѣхъ первой Государственной Думы заключается въ томъ, что она не захотѣла и не съумѣла организовать революцію. Это дѣло надо было взять въ свои руки сначала. Надо было прежде всего забрать въ свои руки мѣстное самоуправленіе, у котораго былъ все-таки кусочекъ власти, не имѣвшейся у Думы; для этого надо было реорганизовать мѣстныя самоуправленія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Надо было учредить демократическіе мѣстные комитеты по аграрному вопросу. Надо было широко развить организацію избирателей на мѣстахъ и усилить ихъ связь съ депутатами. Надо было учредить рядъ спеціальныхъ коммисій по отдѣль-

нымъ вѣдомствамъ, по всѣмъ министерствамъ и попытаться черезъ нихъ захватить власть въ свои руки. Кадеты не только не съумѣли, но и не захотѣли сдѣлать это. Трудовики хотѣли, но отчасти не умѣли, отчасти не могли вслѣдствіе противодѣйствія со стороны кадетскаго большинства. Вмѣсто революціонной борьбы, вмѣсто организаціи революціонныхъ массъ и установленія неразрывной связи между ними и Думой, думское большинство занялось игрой въ конституцію, имѣя въ виду сдѣлку съ правительствомъ, вынужденнымъ было силою обстоятельствъ надѣть на себя уродливую, безобразную, явно поддѣльную конституціонную личину, но оставшимся по прежнему выразителемъ интересовъ дикихъ помѣщиковъ—крѣпостниковъ, владѣльцевъ крѣпостнически — эксплуатируемыхъ необозримыхъ латифундій, и своры грубыхъ хищниковъ, темныхъ дѣльцовъ привыкшихъ наживаться путемъ грюндерства и всякаго рода спекуляцій. Эти черносотенные элементы общества слишкомъ хорошо понимали свои классовые интересы, чтобы полюбовно подѣлиться властью даже съ либеральными земцами. Они сознавали, что уступить хоть въ чемъ-либо — значитъ завязить коготокъ, что грозитъ неизбѣжной гибелью всей птички. Ходъ мыслей былъ простой и ясный: кто насъ съѣстъ,—намъ безразлично; дать себя „мирно“ съѣсть кадетамъ было-бы глупо; ну, а если насъ послѣ дѣйствительной, не мирной борьбы съѣстъ народная масса, то ничего не подѣлать; а можетъ быть дѣйствительной борьбы и не будетъ? Какъ знать,—попробуемъ! тѣмъ болѣе, что у насъ есть пушки, пулеметы и карательные поѣзда.

И Дума была разогнана.

Ея пылкіе поклонники изъ кадетскаго и соціалдемократическаго лагерей ждали землетрясенія. Напрасно! Кто не организуетъ массъ, не спаиваетъ ихъ

съ собой, кто не поднимаетъ ихъ настроенія до точки кипѣнія, — тотъ проигралъ игру и на массовую поддержку разсчитывать не можетъ. Не случайностью было то настроеніе и то стремленіе, которыя обнаружились единодушно во всѣхъ революціонныхъ организаціяхъ тотчасъ послѣ разгона Думы: настроеніе и стремленіе было одно—предотвратить вспышку, потому что настоящаго взрыва не предвидѣлось, не могло быть. И моментъ для попытки произвести взрывъ позднѣе былъ выбранъ чрезвычайно неудачно. Былъ моментъ, когда, казалось, настроеніе можетъ подняться на надлежащую высоту. То были первые дни свеаборгскаго возстанія. Но моментъ этотъ былъ упущенъ. Сигналъ къ всеобщей забастовкѣ былъ данъ нѣсколько дней спустя послѣ подавленія свеаборгскаго возстанія. Неудача была неизбѣжна, она совершилась и надолго и сильно понизила революціонную энергію пролетаріата.

Послѣ разгона Думы кадеты попробовали стать на революціонную дорогу. Я разумѣю пресловутое выборгское воззваніе. Не буду говорить о томъ, что онъ половинчато и нерѣшительно, — чего-же большаго можно было въ данномъ случаѣ ждать? Но нельзя не отмѣтить, что и этотъ умѣренно-революціонный актъ былъ выполненъ настолько неумѣло и нецѣлесообразно, что заранѣе осужденъ былъ на неудачу. Нельзя подписывать бумажку, призывающую народъ не платить податей и не давать солдатъ, и вскорѣ послѣ этого разъѣзжаться по Европѣ, предварительно уплативъ государственный сборъ за заграничные паспорта. Надо было или остаться всѣмъ вмѣстѣ до конца и вытерпѣть всѣ репрессіи, умереть, если нужно, дѣйствуя коллективно, или разъѣхаться по мѣстамъ и повести тамъ революціонную работу въ духѣ воззванія съ тойже готовностью на тюрьму, ссылки и смерть Многіе

трудовики и соціалдемократы и сдѣлали послѣднее. Кадеты оказались неспособными ни на то, ни на другое. Въ результатѣ крахъ и крахъ вполнѣ заслуженный.

И эта неспособность къ революціоннымъ дѣйствіямъ естественна и понятна у кадетовъ, какъ представителей городской буржуазіи. Для соціалдемократовъ она не была новостью или неожиданностью. Естественны и послѣдствія ея для самихъ кадетовъ: они раскаялись въ своихъ революціонныхъ грѣхахъ. Они локти себѣ готовы кусать по поводу того, что составили въ Думѣ свои жалкія и робкія обращенія къ народу по аграрному вопросу, думая угодить и нашимъ и вашимъ,—и народъ привлечь, и правительство не слишкомъ разсердить. Они простить себѣ не могутъ выборгской бумажки. Недаромъ они повторяютъ на всѣ лады, что незачѣмъ было нервничать и разгонять Думу, — вѣдь можно бы кое-что и посбавить изъ тѣхъ требованій, которыя изложены въ адресѣ Думы, что теперь они не допустятъ разгона второй Думы по формальнымъ причинамъ. И хотя для сохраненія аппарансовъ въ Гельсингфорсѣ все-таки было признано необходимымъ допустить теоретическую возможность „пассивнаго сопротивленія“, но что такое теорія? Вѣдь только одни „доктринеры“ и „утописты“ не понимаютъ, что теорія должна сохраняться „такъ для большихъ оказій“, для того чтобы, прикрываясь ею, можно было парадировать передъ наивной „толпой“. А на практикѣ,—ну чѣмъ въ сущности на практикѣ кадеты отличаются отъ невинныхъ, какъ агнцы, мирно обновленцевъ?

И въ подтвержденіе этого кадетскіе витіи, вродѣ г. Гредескула, пишутъ статьи на тему о томъ, что революція кончена, и что наступило время для тихой и мирной оппозиціонной работы. Таковъ минорный

мотивъ, затянутый кадетской печатью, когда она стала подводить итоги краху первой Думы, и когда въ перспективѣ началъ рисоваться новый моментъ революціонной борьбы. Дѣло казалось яснымъ: кадетская Дума разогнана; народъ не поднялся на ея защиту, значитъ революція кончена.

ГЛАВА V.

Текущій моментъ.

I.

Кончена-ли однако революція?

Правительство, какъ и кадетскіе публицисты, склонно отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, и премьеръ-министръ глубоко убѣжденъ, что при помощи военно-полевыхъ судовъ онъ скоро истребитъ всѣхъ революціонеровъ, установитъ полный „порядокъ“, создастъ „законопослушную“, „работоспособную“ Думу, разгонитъ ее, если она таковой не будетъ, съ тѣмъ, чтобы создать третью Думу, которая ужъ навѣрное такой будетъ, потому что въ сенатскихъ разъясненіяхъ никогда недостатка быть не можетъ, да и благонамѣренное дворянство недаромъ давно ужъ слезно молитъ о „сословно-бытовомъ“ представительствѣ. А крестьянъ можно безъ труда подкупить казенными, удѣльными и частновладѣльческими землями, продаваемыми за хорошую, „божескую“ цѣну черезъ крестьянскій банкъ.

Начнемъ прежде всего съ крестьянъ и съ этой знаменитой продажи.

Аграрная политика правительства имѣетъ въ виду весьма опредѣленную, совершенно-ясную цѣль—не утоленіе земельнаго голода всей или большей части крестьянской массы и даже не созданіе постояннаго, экономически-привязаннаго къ мѣсту контингента

сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, а выдѣленіе изъ 80-ти милліонной массы средняго крестьянства возможно большаго количества сельскихъ буржуа. Надо отколоть отъ бѣдноты болѣе или менѣе значительное число новыхъ (въ добавку къ старымъ) „хозяйственныхъ мужичковъ", которые и составятъ соціальную опору для контръ-революціи. Эту цѣль преслѣдуютъ и указы о продажѣ удѣльныхъ и казенныхъ земель крестьянамъ, и насильственное уничтоженіе земельной общины, и выдача ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель.

Каковы будутъ объективныя послѣдствія всѣхъ этихъ указовъ? Не подлежитъ сомнѣнію прежде всего, что въ недалекомъ будущемъ предстоитъ усиленная и—что особенно важно—въ значительной степени насильственная пролетаризація средняго крестьянства,—насильственная, разумѣется, въ томъ смыслѣ, что отчуждаемость надѣловъ вызоветъ быстрое и массовое выдѣленіе изъ общины крестьянской буржуазіи и сдѣлаетъ совершенно немыслимымъ веденіе хозяйства трудовымъ крестьяниномъ при черезполосицѣ и кабальныхъ условіяхъ аренды, которыя еще усилятся вслѣдствіе образованія новыхъ частныхъ владѣній. Бюрократически-прямолинейная мѣра послужитъ ферментомъ усиленнаго броженія въ деревнѣ. Это—залогъ не только продолженія, но и усиленія революціоннаго крестьянскаго движенія, это—поводъ къ быстрому развитію и обостренію классовыхъ противорѣчій въ деревнѣ. Крестьянство будетъ сознательнѣе и революціоннѣе. И этимъ надѣются остановить и даже совсѣмъ прекратить революцію? Можно искренно, отъ всей души посмѣяться надъ такими нелѣпыми надеждами. Въ паническомъ страхѣ передъ стрясшейся уже и надвигающейся въ будущемъ бѣдой бюрократическое самодержавіе, этотъ постоянный выразитель

интересовъ паразитическимъ элементовъ общества, стремится хоть наскоро чѣмъ-нибудь на время заполнить разверзающуюся пропасть и, само того не замѣчая, готовитъ себѣ окончательную гибель. Да будетъ такъ!

Но можетъ быть хоть на время да удастся заполнить эту пропасть? Разберемся въ относящемся сюда конкретномъ матеріалѣ.

Изъ удѣльныхъ земель можетъ быть продано крестьянамъ до двухъ милліоновъ десятинъ. Изъ земель государственныхъ тутъ прежде всего важны казенныя оброчныя статьи, которыхъ во всей Россіи—европейской и азіатской—считается до 9-ти милліоновъ десятинъ, причемъ менѣе половины приходится на европейскую Россію. Казенныхъ лѣсовъ въ одной европейской Россіи по самому умѣренному разсчету до 107 мил. десятинъ, изъ которыхъ удобной лѣсной площади 86 мил. десятинъ. Впрочемъ въ 1905 г. мѣстныя управленія въ 45-ти губерніяхъ Европейской Россіи опредѣлили количество удобной лѣсной площади, подлежащей отчужденію, всего въ 3 мил. 600 тысячъ десятинъ. Такимъ образомъ по *минимальному* разсчету въ *Европейской* Россіи можетъ быть продано крестьянамъ до 8-ми милліоновъ десятинъ государственныхъ земель (ок. 4 мил. дес. оброчныхъ статей и 3 мил. 600 тыс. дес. лѣсовъ).

Но это разсчетъ именно минимальный, крайне-пессимистическій. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ огромнаго запаса въ 86 мил. десятинъ удобной лѣсной земли можетъ быть выдѣленъ крестьянамъ не одинъ милліонъ и даже до десятка милліоновъ десятинъ, такъ что объективно-возможнымъ представляется земельный фондъ для продажи крестьянамъ—въ 15 милліоновъ десятинъ.

Если прибавить сюда 2 мил. дес. удѣльной земли

и до 3 мил. частновладѣльческой, продаваемой черезъ крестьянскій банкъ, то фондъ дойдетъ до 20 милліоновъ. Это ужъ максимумъ. Имъ можно удовлетворить самое большее 10—12 мил. душъ обоего пола или 2 милліона домохозяевъ, считая по 10-ти десятинъ на домохозяина: меньше нельзя, потому что не получится сельскаго буржуа. Это на 80 мил. человѣкъ обоего пола или на 18—20 мил. взрослыхъ мужчинъ—немного.

Къ этому надо прибавить еще цѣлый рядъ другихъ затрудняющихъ дѣло обстоятельствъ, изъ которыхъ большую важность имѣетъ распредѣленіе казенныхъ лѣсовъ и оброчныхъ статей по территоріи Россіи. Главныя массы ихъ сосредоточены на сѣверѣ, во всякомъ случаѣ не въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ ощущается особенно-острая земельная нужда. Въ губерніяхъ центральной черноземной полосы, гдѣ аграрное движеніе особенно сильно, размѣры и казенной и удѣльной земли совершенно ничтожны.

А затѣмъ надо принять во вниманіе и медленность операціи, сопряженной съ ожиданіемъ истеченія сроковъ арендныхъ договоровъ и обычной бюрократической волокитой.

Что-же въ результатѣ? Ясно одно: мѣры правительства могутъ создать нѣкоторыя новыя кадры крестьянской буржуазіи, но не такъ скоро, какъ правительству хотѣлось-бы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ помогутъ созданію огромныхъ массъ крестьянскаго пролетаріата, что уже совсѣмъ не входило въ первоначальныя намѣренія правительства. А главное—крестьянская масса нисколько не удовлетворится такой аграрной политикой.

II.

И она дѣйствительно ею не удовлетворяется. Это показываетъ продолженіе аграрныхъ безпорядковъ и дальнѣйшее ихъ углубленіе, параллельное росту сознательности крестьянской массы.

Въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ крестьянство съ прежней силой продолжало свою разрушительную дѣятельность по отношенію къ помѣщичьимъ имѣніямъ. Въ Тульской, Саратовской, Харьковской губерніяхъ десятки имѣній были залиты разрушительнымъ потокомъ ожесточеннаго крестьянства. Въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи каждую ночь случалось по меньшей мѣрѣ по три пожара помѣщичьихъ усадебъ или хозяйственныхъ построекъ. Въ Херсонской гусерніи въ теченіе одного только августа пострадали 62 имѣнія. Въ Казанской губерніи движеніемъ охвачены были почти сплошь цѣлыхъ четыре уѣзда.

Шелъ впередъ и захватъ земель. Но особенно сильно развивалось забастовочные движеніе, охватившее весь центральный черноземъ, западъ и югъ Россіи.

Но если уже раньше наблюдалась мѣстами и борьба за власть, то теперь сознаніе необходимости захватить эту власть, чтобы овладѣть затѣмъ и землею, укрѣпляется и распространяется особенно сильно. Въ сущности въ деревнѣ подготовляется и зрѣетъ будущая партизанская война. Въ Московской, Тверской и другихъ губерніяхъ составляются мало по малу выборные отъ крестьянъ тайные революціонные комитеты. Въ Кременчугскомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ и въ Саратовской губерніи крестьяне особенно часто заявляютъ отказъ отъ платежа податей, наблюдавшійся по отношенію къ казеннымъ и земскимъ сборамъ и

въ другихъ мѣстахъ. Но самымъ крупнымъ въ этомъ отношеніи явленіемъ надо признать, конечно, возстаніе 70-ти деревень Мултанской волости въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Это—картина, всѣми подробностями своими напоминающая о Кавказѣ и Прибалтійскомъ краѣ.

Крестьянское движеніе не прекратилось и съ наступленіемъ зимы. То здѣсь, то тамъ проявляется оно спорадическими вспышками, на время погасающими, но скоро снова прорывающимися наружу. Оно уменьшилось, конечно, въ своей интенсивности, какъ то и естественно зимою. Но только поверхностный наблюдатель можетъ льстить и утѣшать себя несбыточной надеждой или огорчаться неосновательнымъ опасеніемъ, что оно прекратилось навсегда или по крайней мѣрѣ недолго. Весной—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія,—а также лѣтомъ и осенью будущаго года оно достигнетъ небывалыхъ еще размѣровъ. То будетъ рѣшительная схватка, исходъ которой могущественно направитъ движеніе въ ту или другую сторону. Будемъ ждать, взвѣшивать всѣ обстоятельства и пользоваться ими сообразно интересамъ революціоннаго движенія.

Помимо вѣстей о прямыхъ проявленіяхъ аграрнаго движенія отовсюду получаются данныя, указывающія на ростъ сознательности и революціонный подъемъ деревни. „Въ первые выборы мы были, какъ въ лѣсу“, говорятъ крестьяне, „а теперь въ головахъ сильно посвѣтлѣло“. И сенатскія разъясненія, какъ и все, что предпринимаетъ правительство. спасающее представляемые имъ паразитическіе классы, много помогаютъ дѣлу, революціонизируютъ крестьянство: не одинъ крестьянинъ съ горечью и раздраженіемъ отнесся къ извѣстію, что крестьяне устранены отъ участія въ выборахъ по куріи мелкихъ землевладѣльцевъ. Такъ о

эффектъ реакціонныхъ мѣръ неизбѣженъ и необходимъ: онѣ противополагаютъ другъ другу крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ, усиливая первыхъ, укрѣпляютъ и вторыхъ, обостряютъ борьбу и столкновеніе интересовъ и готовятъ рѣшительный исходъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

III.

Чартистское движеніе въ Англіи и революція 1848 года въ странахъ европейскаго континента прекратились, какъ извѣстно, тогда, когда экономическій кризисъ смѣнился періодомъ большого промышленнаго подъема, оживленія. Непосредственная борьба пролетаріата внѣ парламента не могла продолжаться при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ.

Экономическій кризисъ въ Россіи длится уже шесть или семь лѣтъ,—непомѣрно долго. Онъ, правда, ослабѣвалъ уже въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства еще въ 1903 и 1904 годахъ, но снова возобновлялся и усиливался, затягиваемый ходомъ и развитіемъ революціонной борьбы, крайними проявленіями революціи и реакціи. Кульминаціоннаго пункта своего развитія онъ достигъ въ 1905 году. Прекратился-ли онъ уже теперь? И если не прекратился, то есть-ли признаки того, что долго продолжаться не будетъ?

Обстоятельный и полный отвѣтъ на этотъ вопросъ потребовалъ бы особаго изслѣдованія, которое я не могу предпринять сейчасъ. Но и безъ этого ясно общее положеніе дѣлъ.

Единственнымъ признакомъ, указывающимъ на кое-какой подъемъ, является увеличеніе потребленія каменнаго угля: въ нынѣшнемъ году изъ Донецкаго бассейна его вывезено на 30% больше, чѣмъ въ со-

отвѣтственные мѣсяцы прошлаго года. Но это увеличеніе не удивительно: прошлый годъ былъ, какъ только что было указано, такимъ, когда кризисъ достигъ наибольшей остроты. Съ другой стороны, многое тутъ надо поставить на счетъ вздорожанія нефти. И вообще заключать отсюда о прекращеніи кризиса значило бы закрывать глаза на цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ на противоположную тенденцію.

Здѣсь прежде всего рѣзко бьетъ въ глаза угнетенное состояніе металлургической промышленности, о которомъ свидѣтельствуютъ тысячи и десятки тысячъ безработныхъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ. Шерстяная промышленность также испытываетъ затрудненія. Въ послѣднее время изъ Москвы, Бѣлостока, Лодзи приходятъ извѣстія о затрудненіяхъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ, которое одно время достигло значительнаго подъема, что отразилось и на настроеніи соотвѣтствующаго разряда рабочихъ. Заминка въ этой отрасли фабричной индустріи вполнѣ понятна: хлопчатобумажное производство всегда находилось въ тѣснѣйшей зависимости отъ урожая, потому что важнѣйшій потребитель ситца и миткаля—крестьянинъ. Такъ какъ въ нынѣшнемъ году наблюдался сильный неурожай, то угнетенное состояніе хлопчатобумажной промышленности естественно.

И тѣмъ болѣе оно важно: пролетаріатъ, занятый не только въ металлургической, но и въ текстильной промышленности, долженъ испытывать настроеніе, дѣлающее его склоннымъ къ революціонной борьбѣ. Ослабленія революціи пока ожидать нельзя.

Но, несомнѣнно, долго это продолжаться не можетъ. Нѣкоторые товары всетаки нѣсколько (пока незначительно) повышаются въ цѣнѣ. Притомъ же кризисъ и безъ того слишкомъ длителенъ. Наконецъ,

будущей осенью, по всѣмъ даннымъ, надо ожидать хорошаго урожая. И тогда кризисъ кончится. Ясно, что мы переживаемъ послѣдній годъ острой внѣпарламентской революціонной борьбы. Ея *непосредственные* результаты должны обнаружиться именно въ теченіе этого года.

Въ революціонномъ настроеніи рабочихъ въ настоящее время наблюдается новая струя—результатъ прошлогодняго опыта. Оно попрежнему стоитъ на большой высотѣ, но окрашено большей сознательностью и отличается большей серьезностью и обдуманностью. Ждутъ могучаго движенія, готовятся къ нему, но никогда не бросятся въ него очертя голову, безразсудно. Строгая планомѣрность, систематичность и послѣдовательность дѣйствій — вотъ что требуется теперь для продолженія революціи. И если крестьянство въ главной своей массѣ освободилось отъ конституціонныхъ иллюзій, то послѣднихъ и въ поминѣ нѣтъ у пролетаріата.

IV.

Такимъ образомъ и текущій моментъ надо опредѣлить какъ революціонный. Правда, кадетскіе правящіе круги больше, чѣмъ прежде, думаютъ завоевывать власть „мирной борьбой“, конституціонными средствами, но въ этомъ отношеніи къ либеральнымъ земцамъ примыкаютъ только извѣстные круги мелкой буржуазіи, полупролетарская-же масса — приказчики, конторщики, желѣзнодорожные служащіе, учителя, врачи—настроены несравненно—революціоннѣе и сознательно ставятъ задачей момента—революціонную борьбу. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, убѣждаетъ об-

щеніе съ наиболѣе сознательными и вліятельными изъ нихъ.

Что дѣлать при такой конъюнктурѣ соціалдемократіи?

Для тѣхъ, кто и прежде былъ противникомъ бойкота, отвѣтъ ясенъ: итти въ Думу, участвовать въ выборахъ.

Но тотъ же отвѣтъ даютъ бойкотисты. Почему? Потому что уничтожена главная причина бойкота,— разсѣяны въ наиболѣе сознательныхъ кругахъ населенія конституціонныя иллюзіи. Дума попрежнему признается непригодной для обычной, мирной, конституціонной, органической работы. Но она пригодна какъ средство революціонное, какъ одно изъ орудій агитаціи и организаціи массъ для продолженія и завершенія борьбы за Учредительное Собраніе. Центръ тяжести борьбы попрежнему остается внѣ Думы, и думская борьба должна быть подчинена внѣдумской.

Во всемъ этомъ, кромѣ отношенія къ тактикѣ бойкота, повидимому нѣтъ разногласій между двумя фракціями соціалдемократіи. Но дальше эти разногласія начинаются и доходятъ до значительной рѣзкости.

Да, разсуждаютъ меньшевики, надо развивать классовое сознаніе пролетаріата, надо организовать пролетаріатъ для борьбы за Учредительное Собраніе. Но надо также бороться съ семодержавіемъ. Въ этомъ отношеніи интересы пролетаріата совпадаютъ съ интересами буржуазіи или буржуазной демократіи. У нихъ общій врагъ—самодержавіе и поддерживающіе его черносотенцы. Надо бороться съ ними вмѣстѣ, рука объ руку съ буржуазной демократіей. Надо изолировать реакцію. Черносотенная Дума — опасна, она будетъ великой силой въ рукахъ правительства. Поэтому, для предотвращенія этой опасности допу-

стимы техническія соглашенія съ оппозиціонными и революціонными партіями на первой ступени выборовъ, причемъ возможны и общіе списки, и договоры о снятіи кандидатуры въ однихъ избирательныхъ участкахъ съ тѣмъ, чтобы другая договаривающаяся сторона сняла ихъ въ другихъ, и, наконецъ, снятіе своихъ кандидатовъ тамъ, гдѣ онѣ безнадежны, съ совѣтомъ соціалдемократическимъ избирателямъ подавать голоса за наиболѣе лѣвую изъ партій, имѣющихъ шансы одержать въ данномъ участкѣ побѣду надъ черносотенцами.

Таковъ одинъ типъ разсужденій. Возраженія на него съ другой стороны можно сдѣлать слѣдующимъ приблизительно образомъ.

Поддерживать буржуазную демократію въ борьбѣ съ самодержавіемъ соціалдемократія должна. Но въ то-же время она не должна ни на минуту забывать своей конечной задачи— борьбы за соціализмъ, для чего необходимо и развитіе и сохраненіе въ совершенной чистотѣ классоваго сознанія пролетаріата, и организація рабочаго класса для борьбы за Учредительное Собраніе, которое должно осуществить всѣ требованія соціалдемократической программы—минимумъ. Соціалдемократія борется противъ самодержавія, но эту борьбу она понимаетъ не такъ, какъ буржуазная демократія: съ точки зрѣнія соціалдемократіи самодержавіе не можетъ быть побѣждено лишь отчасти, потому что оно ничему никогда не научится и ничего не забудетъ,—надо побѣдить его вполнѣ; въ демократической революціи задача пролетаріата—установить полное народовластіе. Борьбой за полное народовластіе соціалдемократія и можетъ оказать самую существенную поддержку буржуазной демократіи въ ея борьбѣ съ самодержавіемъ, не поступаясь въ то-же время классовыми задачами пролета-

ріата и не затемняя его классоваго сознанія. Утверждать, что черносотенная Дума будетъ огромной силой въ рукахъ правительства значитъ впадать въ очевидное недоразумѣніе. Вѣдь только такое представительное учрежденіе является реальной силой, которое опирается на сочувствіе народныхъ массъ. Можно ли предположить, что черносотенная Государственная Дума въ Россіи въ настоящее время будетъ пользоваться такимъ сочувствіемъ, что она будетъ хотя бы въ слабой степени выразительницей настроенія народа? Очевидно, нельзя: не даромъ мы опредѣляемъ текущій моментъ какъ революціонный. А если такъ то откуда же опасеніе огромной силы черносотенной Думы? Дума можетъ быть черносотенной лишь въ томъ случаѣ, если репрессіи правительства сдѣлаютъ ее таковой вопреки волѣ народа. А такая Дума, обязанная своимъ составомъ и характеромъ насиліямъ со стороны бюрократическаго самодержавія, не будетъ имѣть никакого авторитета, не окажется не только огромной силой, но и вообще какой бы то ни было силой. Она погибнетъ вмѣстѣ съ правительствомъ, ее создавшимъ. Думать иначе, приписывать Государственной Думѣ, какъ и вообще какому бы то ни было представительному учрежденію, какую-то самодовлѣющую, самостоятельную, чуть не мистическую силу— значитъ впадать въ парламентскій кретинизмъ.

Опасность отъ черносотенной Думы такимъ образомъ напрасно преувеличивается. Столь-же напрасно преувеличивается и возможность того, что Дума будетъ черносотенной. Въ 10-ти крупнѣйшихъ городахъ на первыхъ выборахъ за черносотенцевъ подано было всего 36000 голосовъ, въ томъ числѣ въ Петербургѣ. 17000 Это—ничтожныя цифры, которыя и теперь не уве-

личатся сколько-нибудь значительно. Въ Москвѣ самымъ благопріятнымъ для черносотенцевъ было положеніе въ Лефортовскомъ участкѣ, но и тамъ за нихъ было всего 900 голосовъ максимумъ. Въ Петербургѣ черносотенцы были всего сильнѣе въ участкахъ Рождественскомъ, Василеостровскомъ и Литейномъ, гдѣ ихъ было болѣе 2000 противъ 3200—4700 кадетовъ. И однако было бы большимъ преувеличеніемъ считать ихъ опасными. Анализъ данныхъ о распредѣленіи квартиръ въ разныхъ избирательныхъ участкахъ *) показываетъ, что демократичными по составу избирателей является большая часть участковъ Петербурга: таковы Василеостровскій, Нарвскій, Петербургскій, Выборгскій, Александро-Невскій, Спасскій и Коломенскій. Сильнымъ преобладаніемъ богатыхъ квартиронанимателей отличаются только три избирательныхъ участка—Адмиралтейскій, Казанскій и Литейный.

Скажутъ, что сенатскія разъясненія сильно сократили количество избирателей. Такъ. Но въ большихъ городахъ это сокращеніе оказывается все-таки меньше, чѣмъ можно было опасаться. Въ Москвѣ, напр. оно равняется только 8000, что по отношенію къ общему числу избирателей невелико. Не надо притомъ забывать, что убыль числа лѣвыхъ избирателей пополняется бойкотистами, которые теперь примутъ участіе въ выборахъ: недаромъ на прошлые выборы въ Петербургѣ явилось всего 46% всѣхъ избирателей.

Часто говорятъ, что на прошлыхъ выборахъ правые блока не составляли. Это невѣрно: они уже тогда блокировались, если не считать самыхъ крайнихъ правыхъ, за которыхъ голоса подавались только десятками,

*) Онъ произведенъ тов. Рязановымъ и, вѣроятно, скоро будетъ опубликованъ.

чуть не единицами въ каждомъ избирательномъ участкѣ. Крайніе правые и теперь, вѣроятно, большею частью пойдутъ отдѣльно, да если бы и не пошли, а блокировались съ октябристами,—это было бы несущественно въ виду ихъ крайней малочисленности.

Что касается губернскихъ избирателей, то полному разгрому на основаніи сенатскихъ разъясненій подверглись только курія мелкихъ землевладѣльцевъ. Но это опять не столь существенно, потому что въ 12-ти губерніяхъ преобладаютъ въ числѣ выборщиковъ крестьяне, въ трехъ для большинства не хватаетъ только одного выборщика, въ ряду другихъ по нѣсколько выборщиковъ, такъ что если взять тѣ губерніи, гдѣ, кромѣ крестьянскихъ выборщиковъ, должно быть не болѣе 15-ти лѣвыхъ, для того, чтобы составилось оппозиціонное большинство, то окажется, что всѣ эти губерніи выбираютъ въ общей сложности до трехсотъ депутатовъ изъ 512-ти *). Черносотенная опасность при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается эфемерной.

Увлекшись преувеличеннымъ представленіемъ о черносотенной опасности, соціалдемократы могутъ подвергнуть дѣло революціи большой опасности, грозящей со стороны склонной къ сдѣлкамъ съ правительствомъ либеральной буржуазіи. Кадетское большинство въ Думѣ немногимъ менѣе нежелательно, чѣмъ черносотенное большинство. Для соціалдемократіи выгодно, чтобы Дума разбилась на рядъ группъ, изъ которыхъ каждая не имѣла бы абсолютнаго большинства. А этого можно достигнуть, лишь не вступая въ соглашенія съ кадетами.

При самыхъ выборахъ только гораздо выгоднѣе не

*) Это вычисленіе принадлежитъ одному уважаемому товарищу—соціалдемократу.

предоставлять ни одной изъ конкуррирующихъ партій абсолютнаго большинства. Возьмемъ, напр., 160 выборщиковъ по городской куріи отъ Петербурга и сверхъ того 15 выборщиковъ отъ рабочихъ. Пусть количество выборщиковъ каждой партіи не превышаетъ половины (87-ми изъ 175-ти),—тогда соціалъ-демократія будетъ очень вліятельна на выборахъ. Если у нея будетъ только 15 голосовъ, она можетъ рѣшить судьбу послѣднихъ. Допустимъ, что 80 выборщиковъ кадеты, 80 черносотенцы, 15 соціалъ-демократовъ. С.-д. потребуютъ себѣ уступокъ отъ кадетовъ (по меньшей мѣрѣ одно мѣсто въ Думѣ),—иначе будутъ голосовать за своего собственнаго кандидата, соціалъ-демократа, и предоставятъ черносотенцевъ и кадетовъ ихъ собственной участи. Скажутъ, что въ такомъ случаѣ кадеты предпочтутъ соглашенію съ соціалъ-демократами соглашеніе съ умѣренной черной сотней. Ну, что-же,—тѣмъ хуже для нихъ: мы пріобрѣтемъ лишнее агитаціонное средство противъ нихъ. Ясно, что и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ соглашеніе на первой ступени можетъ только повредить дѣлу.

Разсмотрѣніе предлагаемыхъ способовъ соглашенія возвращаетъ насъ снова отъ практичныхъ соображеній къ принципіальнымъ. Первый изъ этихъ способовъ—общіе списки—ведетъ къ величайшей смутѣ въ умахъ рабочихъ, пріучаетъ пролетаріатъ къ открытому оппортюнизму. Понятно также, что общіе списки исключаютъ возможность учета силъ,—одной изъ важнѣйшихъ задачъ всякой избирательной компаніи. Говорятъ, что въ силу недостатковъ избирательнаго закона и особенно вслѣдствіе сенатскихъ разъясненій учетъ будетъ несовершененъ, неполонъ, неточенъ. Но вѣдь для того, чтобы сдѣлать къ нему соотвѣтствующія поправки, необходимо только помнить, что не слѣдуетъ предаваться фетишизму цифръ, а надо проана-

лизировать каждую цифру и отдать себѣ полный отчетъ о ея относительномъ значеніи.

Тѣ-же возраженія приходится слѣлать и на второй предлагаемый способъ соглашеній—отказъ договаривающихся партій отъ конкурренціи въ опредѣленныхъ участкахъ со взаимными услугамъ въ другихъ. И здѣсь въ результатѣ получается затемненіе классоваго сознанія пролетаріата, и оказывается невозможнымъ учетъ силъ. Но кромѣ того въ этомъ случаѣ избиратели уступаемыхъ другой партіи участковъ прямо приносятся ей въ жертву соціалъ-демократіей, что совершенно недопустимо.

Наконецъ, снятіе кандидатуръ въ послѣднюю минуту съ рекомендаціей соціалъ-демократамъ голосовать за другую партію—скрытое соглашеніе, и потому къ нему опять таки примѣнимы всѣ упомянутыя выше возраженія, съ присоединеніемъ еще одного, новаго: въ самомъ принципѣ *скрытаго* соглашенія заключается основаніе для того, чтобы его отвергнуть: лучше ужъ вступать въ соглашеніе открыто, по крайней мѣрѣ тутъ не будетъ ничего недоговореннаго. Нельзя притомъ-же забывать, что отдѣльная агитація сопровождаемыя послѣдовательной критикой буржуазныхъ партій, находится въ совершенномъ противорѣчіи съ послѣдующимъ голосованіемъ за представителей этихъ партій. Рабочіе легко могутъ отвѣтить на подобныя приглашенія къ избирательнымъ урнамъ такъ-же, какъ не разъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, при подачѣ голосовъ за буржуазнаго кандидата при перебаллотировкѣ въ Германіи отвѣчали нѣмецкіе рабочіе: они просто останутся дома. И они будутъ правы.

Вообще мысль о томъ, что можно устроить техническое соглашеніе при выборахъ на первой ступени, не вырабатывая общей платформы,—не чужда наивности. Коготокъ увязъ,—всей птичкѣ пропасть. Спу-

каясь постепенно со ступеньки на ступеньку, можно, наконецъ, дойти до настоящихъ, ничѣмъ не прикрытыхъ *блоковъ* съ кадетами.

Они же кстати сильно объ этомъ хлопочутъ. „Товарищъ“ разразился цѣлымъ рядомъ статей, указывающихъ на необходимость блока, общей платформы. Понятно, къ чему идетъ дѣло: хотятъ, чтобы соціалъ-демократія сдѣлала рядъ программныхъ уступокъ. Зачѣмъ полновластное, всенародное Учредительное Собраніе? Не лучше ли полувластная, невсенародная Государственная Дума съ министерствомъ изъ думскаго большинства? Хотятъ до конца опозорить, затоптать въ грязь соціалдемократическую партію.

Въ стремленіи поскорѣе и получше осуществить свои цѣли, „Товарищъ“ выговариваетъ „Рѣчи“ за неблагоразуміе ея рѣчей о томъ, что „партія народной свободы претендуетъ на руководительство народными массами“. „Товарищъ“ предлагаетъ такую „справедливую сдѣлку“ въ отношеніи руководительства массами: пусть за каждой партіей останется тотъ общественный классъ, который давно уже ею привлеченъ въ свои ряды; пусть поэтому рабочіе останутся за соціалдемократами, а приказчики, конторщики и имъ подобныя общественныя группы, на первыхъ выборахъ въ значительной своей части голосовавшія за кадетовъ, не испытываютъ на себѣ тлетворнаго вліянія соціалдемократической агитаціи и пропаганды. Что и говорить: сдѣлка выгодная, она справедливѣе даже „справедливой оцѣнки“ помѣщичьихъ земель при передачѣ ихъ крестьянамъ: отчего кадетамъ не уступить соціалъ-демократамъ рабочихъ, благо—дѣло кадетовъ тамъ все равно безнадежное,—и взамѣнъ этого отчего не получить приказчиковъ и конторщиковъ въ полное свое распоряженіе, въ монопольную собственность, такъ какъ вѣдь неизвѣстно, не при-

мкнутъ ли они къ соціалдемократіи? Къ сожалѣнію этотъ хитроумный планъ сшитъ слишкомъ ужъ спѣшно и притомъ бѣлыми нитками, почему изъ него ничего и не выйдетъ.

И вообще нѣтъ сомнѣнія, что кадеты только тогда пойдутъ на соглашенія съ с.-д., когда львиная доля выгодъ отъ этихъ соглашеній достанется ихъ партіи. Развѣ не свидѣтельствуетъ все это, что мысль о соглашеніяхъ на первой ступени выборовъ доджна быть окончательно оставлена?

Партія на послѣдней конференціи большинствомъ 18-ти голосовъ противъ 14-ти рѣшили вопросъ о соглашеніяхъ въ пользу допустимости соглашеній. Этимъ большинство конференціи несомнѣнно сошло съ пути принципіальнаго рѣшенія вопроса о выборахъ принятаго международной соціалдемократіей. По счастью признано право мѣстной организаціи рѣшать вопросъ, слѣдуетъ ливъ данномъ мѣстѣ итти на соглашенія, причемъ за центральнымъ комитетомъ остается право кассировать рѣшенія мѣстныхъ организацій, но лишь въ томъ случаѣ, если рѣшенія эти направлены въ сторону соглашеній. Непримиримыя рѣшенія отмѣнѣ не подлежатъ. Этимъ дается возможность каждой организаціи вступить на путь самостоятельной соціалдемократической избирательной кампаніи. И повидимому многія даже меньшивистскія организаціи отвергнутъ на практикѣ соглашенія на первой ступени. Такъ, напримѣръ, поступитъ Кавказъ, такъ сдѣлала малороссійская „Спілка"". Въ добрый часъ!

V.

Разъ революціонныя завачи признаются стоящими на первой очереди въ настоящій моментъ, — передъ партіей пролетаріата естественно выдвигается задача

обсудить ихъ осуществленіе и установить планъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи особенную важность пріобрѣтаетъ руководство дѣйствіями будущей думской соціалдемократической фракціи.

Дѣятельность соціалдемократической фракціи въ первой Думѣ вызывала, какъ мы видѣли, серьезныя возраженія. И, конечно, вина въ этомъ отношеніи ложится не только на нее, но и на руководившій ею центральный комитетъ партіи. Послѣдній и во время сессіи первой Думы и послѣ ея разгона проявлялъ тенденціи въ сторону сильнаго оппортюнизма: онъ готовъ былъ поддерживать требованіе министерства изъ большинства Думы, т. е. министерства соглашенія съ самодержавіемъ, онъ собирался бросить лозунгъ возстановленія старой Думы въ ея конкретномъ составѣ для выработки закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе и т. д. Необходимо провѣрить, соотвѣтствуетъ-ли политическое направленіе центральнаго комитета взглядамъ, господствующимъ среди большинства организованнаго въ партію, соціалдемократическаго пролетаріата. И потому былъ поднятъ вопросъ о созывѣ партійнаго съѣзда.

Центральный комитетъ отрицалъ необходимость созыва экстреннаго партійнаго съѣзда, боролся противъ такого созыва. Конференція приняла примирительное рѣшеніе,—съѣздъ будетъ созванъ вскорѣ послѣ созыва второй Думы, такъ что по крайней мѣрѣ часть дѣятельности будущей думской фракціи будетъ протекать сообразно резолюціямъ новаго съѣзда и подъ руководствомъ того центральнаго комитета, который будетъ на немъ избранъ.

Всѣмъ, заинтересованнымъ въ томъ, чтобы дѣятельность думской соціалдемократической фракціи съ самаго начала была цѣльной и послѣдовательной, лишенной колебаній независимо отъ того, каковы бы

ни были ея основныя тенденціи,—а какой соціалдемократъ въ этомъ не заинтересованъ?—необходимо добиваться скорѣйшаго созыва съѣзда, по возможности въ февралѣ, даже въ первой половинѣ февраля, до созыва Думы. Этого требуютъ интересы партіи въ цѣломъ, независимо отъ какихъ бы то ни было фракціонныхъ разногласій. И я надѣюсь, что партія настолько еще жизненна и здорова, настолько еще едина, чтобы стать на этотъ единственно-правильный путь въ данномъ вопросѣ.

Въ связи съ вопросомъ о партійномъ съѣздѣ въ послѣднее время горячо дебатировался вопросъ о рабочемъ съѣздѣ. Нѣкоторые товарищи прямо и категорически противопоставляли оба съѣзда одинъ другому, причемъ линія меньшевиковъ въ общемъ (не считая исключеній) направлялась въ сторону благопріятную рабочему съѣзду, большевики-же считали рабочій съѣздъ вреднымъ. Въ настоящее время вопросъ въ значительной степени потерялъ свою остроту: иниціаторъ идеи рабочаго съѣзда въ Россіи тов. Аксельродъ заявилъ открыто, что онъ не противопоставляетъ рабочаго съѣзда партійному и считаетъ возможнымъ созывъ рабочаго съѣзда лишь послѣ продолжительной и тщательной подготовки, быть можетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Но утративъ первоначальную остроту, вопросъ не потерялъ своей важности тѣмъ болѣе, что возбужденіе его не осталось безъ извѣстнаго отклика въ пролетарской средѣ. Надо, слѣдовательно, продолжать его обсужденіе.

Большевистская позиція по отношенію къ рабочему съѣзду такова: рабочій съѣздъ можетъ и долженъ повредить соціалдемократіи, какъ выразительницѣ требованій сознательнаго пролетаріата, а слѣдовательно и той великой борьбѣ, которая составляетъ историческую миссію рабочаго класса. Рабочій съѣздъ непра-

вильно противопоставитъ рабочій классъ рабочей партіи или поставитъ на мѣсто соціалдемократической партіи, какъ партіи рабочаго класса, другую партію— тоже рабочую по составу, но не соціалдемократическую, съ пониженнымъ классовымъ сознаніемъ, съ оппортюнистическими тенденціями, съ господствомъ экономизма или синдикализма. Поэтому рабочій съѣздъ опасенъ и созывать его не слѣдуетъ. Онъ возможенъ и желателенъ лишь въ боевой революціонный моментъ, когда надо будетъ организовать весь рабочій классъ для рѣшительныхъ дѣйствій *).

Что-же мы встрѣчаемъ у сторонниковъ рабочаго съѣзда? Какіе аргументы они приводятъ?

Они восхищаются тѣмъ, что бельгійская рабочая партія организована на рабочемъ съѣздѣ и даже не носитъ названія соціалдемократической. Они увѣрены, что на рабочемъ съѣздѣ опредѣляющимъ будетъ именно вліяніе соціалдемократіи, что рабочій съѣздъ расширитъ и упрочитъ это вліяніе и поможетъ дѣлу соціалдемократической агатаціи и пропаганды. Они вспоминаютъ въ подтвержденіе этого исторію Швейцарскаго и Всеобщаго Германскаго рабочихъ союзовъ и исторію французскихъ рабочихъ съѣздовъ, послужившихъ основой для образованія французской соціалистической рабочей партіи. Изъ всего этого и выводится необходимость созыва рабочаго съѣзда **).

Нельзя не отмѣтитъ прежде всего той крайней идеализаціи бельгійской партіи, какою проникнута эта аргументація: нѣтъ ничего хорошаго въ томъ, что бельгійская партія не смѣетъ назвать себя соціал-

*) См. брошюру тов. Г. Л. «Рабочій съѣздъ или съѣздъ рабочей партіи?».

**) См. брошюру В. А. Щегло «О рабочемъ съѣздѣ».

демократической, и что въ ней экономическія, профессіональныя организаціи преобладаютъ надъ политическими. Не говоря уже о томъ, что это не помогаетъ бельгійской партіи организовать подъ своимъ знаменемъ дѣйствительно весь бельгійскій пролетаріатъ или даже подавляющее большинство его,—вмѣстѣ съ тѣмъ это понижаетъ идейный уровень партіи, дѣлаетъ ее ревизіонистской, реформистской, оппортюнистической. Вѣдь именно примѣръ бельгійской партіи и является важнѣйшей фактической основой аргументаціи противниковъ рабочаго съѣзда.

Нельзя забывать также, что у насъ соціалдемократія уже сложилась какъ партія и притомъ какъ массовая партія, такъ что примѣры Швейцарскаго и Германскаго союзовъ и французскихъ рабочихъ съѣздовъ не подходятъ: вѣдь всѣ эти организаціи повели къ *образованію* партіи и теперь самостоятельно не существуютъ, а существуютъ лишь профессіональные рабочіе союзы и ихъ съѣзды и политическая рабочая соціалдемократическая партія и ея съѣзды. Насъ хотятъ вернуть отъ особой профессіональной и особой политической организаціи, въ Россіи уже имѣющихся, къ ихъ прототипу. Это совершенно ненужно. Мало того: это вредно, потому что внесетъ неясность и спутанность туда, гдѣ уже существуетъ раздѣльность и чистота понятій. Рабочій классъ долженъ твердо помнить, что для сознательныхъ рабочихъ существуютъ только два типа организаціи—профессіональные рабочіе союзы и политическая рабочая соціалдемократическая партія.

Единственнымъ серьезнымъ аргументомъ въ пользу рабочаго съѣзда я считаю его великую агитаціонную, пропагандистскую и организаціонную роль. Имѣетъ большое значеніе, также и то сочувствіе, какое встрѣчаетъ идея рабочаго съѣзда въ широкихъ кругахъ

пролетаріата. Этого сочувствія нельзя игнорировать, агитаціонными, пропагандистскими и организаціонными средствами нельзя пренебрегать.

Что-же дѣлать? Надо направить теченіе въ надлежащее русло. Нечего стремиться уничтожить то, что имѣетъ извѣстную жизненность,—это было бы безплодно и безрезультатно и потому вредно. Но необходимо придать дѣлу здоровое направленіе.

У насъ есть и профессіональные рабочіе союзы, и политическая рабочая партія. То и другое необходимо усилить. Партія усиливаетъ себя своими собственными агитаціонными и пропагандистскими средствами. Но хорошо извѣстно также, что она усиливается благодаря усиленію и профессіональныхъ союзовъ. Съѣздъ представителей профессіональныхъ союсовъ—могущественное, испытанное средство усиленія профессіональнаго движенія. Повести агитацію за такой съѣздъ значитъ усилить послѣднее. Необходимо только, чтобы агитація велась энергично, и чтобы цѣли съѣзда были чисто-профессіональныя, не политическія, чтобы не было и тѣни какой-либо конкурренціи съ партіей, какого-либо руководительства рабочимъ классомъ въ политическомъ отношеніи. Въ тоже время и ростъ профессіональнаго движенія, и самый профессіональный съѣздъ дадутъ возможность расширить партійную агитацію и пропаганду.

Итакъ идею рабочаго съѣзда надо замѣнить идеей съѣзда представителей профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Надо бросить эту идею въ широкія рабочія массы, распространить ее всѣми способами и средствами. Это вызоветъ приливъ рабочихъ въ профессіональные союзы, это организуетъ пролетаріатъ и тѣмъ создастъ почву и для расширенія партіи.

Но ясно также, что это—задача не текущаго боевого момента, а болѣе мирнаго времени. И потому

на очередь дня ее ставить ни въ какомъ случаѣ нельзя. Это—дѣло будущаго. Надо къ нему готовиться и прежде всего надо обратить усиленное вниманіе на профессіональные союзы, которымъ соціалдемократы удѣляютъ мало силъ.

ГЛАВА VI.

Будущее русской революціи.

I.

Что-же будетъ? И какъ сдѣлать, чтобы было наилучшее изъ того, что можетъ быть?

Мы видѣли, что революція продолжается и углубляется. Мы знаемъ также, что политика правительства не устранила и не можетъ устранить тѣхъ причинъ, которыми создана революція. Но, съ другой стороны, мы видимъ, что кризисъ долженъ кончиться въ сравнительно недалекомъ будущемъ, что будущей осенью надо ожидать урожая, что такимъ образомъ пролетаріатъ и крестьянство осенью 1907 года едва-ли окажутся расположенными къ активнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ, что мелкая буржуазія утомляется, что крупная буржуазія и культурные помѣщики контръ-революціонны. Положеніе ясно: революція еще не кончилась, но она достигла того момента, когда непосредственная, внѣпарламентская борьба должна завершиться или полнымъ пораженіемъ (можетъ быть, и простымъ прекращеніемъ), или рѣшительной побѣдой. Въ первомъ случаѣ революція прекратится. Во второмъ она перейдетъ въ парламентскую стадію, не исключающую самодѣятельности массъ, а напротивъ предполагающую ее, но придающую этой самодѣятельности другой, болѣе спокойный, менѣе бурный характеръ.

Разсмотримъ подробнѣе объ эти возможности.

Революція есть только одинъ изъ моментовъ эволюціи, когда общественное развитіе совершается ускореннымъ темпомъ. Революція—это ускоренная эволюція. Разумѣется, ускоренный темпъ придаетъ эволюціи особенный, своеобразный характеръ, создаетъ такія бурныя явленія, какихъ не знаетъ обыкновенная эволюція, порождаетъ огромные скачки въ ту и другую сторону—впередъ и назадъ—и удивительные зигзаги. Въ эпоху революціи общественная жизнь какъ бы стремится заполнить прежнія упущенія, нагнать потерянное время, поспѣшно смести и замѣнить тотчасъ новымъ то старое, что иначе, во время спокойной эволюціи, видоизмѣнилось бы лишь медленно и постепенно. Но, если взять общественное развитіе за продолжительный періодъ времени и сравнить два соотвѣтствующихъ другъ другу по содержанію соціальныхъ процесса, но различныхъ по способу осуществленія этого содержанія,—одинъ чисто-эволюціонный, съ медленными и постепенными, безбурными перемѣнами, другой особенно замедленный въ началѣ и концѣ и сопровождавшійся въ серединѣ бурнымъ переворотомъ,—то окажется, что шагъ впередъ, совершенный обоими обществами, въ сущности одинаковъ.

Эти общія соображенія имѣютъ большое значеніе для пониманія тѣхъ послѣдствій, которыя произойдутъ въ русской общественной жизни въ случаѣ неудачи революціи. Неудача революціи будетъ означать только, что устраненіе причинъ, вызвавшихъ революцію, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ временно задержалось. Но это не значитъ еще, что эти причины надолго останутся неустраненными. Нѣтъ, только способъ ихъ устраненія будетъ другой, и самое устраненіе замедлится. Въ концѣ концовъ пріобрѣ-

тенія, которыя могли бы явиться непосредственнымъ результатомъ революціонной борьбы и побѣды, будутъ сдѣланы все—равно рано или поздно. Результаты революціи обнаружатся несразу, реализуются съ теченіемъ времени, въ послѣдующіе за нею годы. Если бы почему-либо и это задержалось, взрывъ долженъ былъ бы неизбѣжно повториться очень скоро и съ новой, на этотъ разъ уже окончательно рѣшающей силой.

Пессимисты революціи не должны этого забывать, и тогда они, несомнѣнно, въ значительной степени излѣчатся отъ своего пессимизма. Въ самомъ худшемъ случаѣ необходимыя пріобрѣтенія будутъ сдѣланы обходнымъ путемъ, можетъ быть при помощи повторныхъ потрясеній. Но сдѣланы они будутъ непремѣнно. И сколько бы ни цѣплялся за обломки старины своей костенѣющей рукой старый, умирающій режимъ, эти обломки отойдутъ неизбѣжно въ прошлое и увлекутъ за собою всю эту плѣсень вѣковъ, всю застоявшуюся гнилую воду и грязную тину. Будущее сильнѣе прошлаго, какъ бы ни простирало на него свое темное вліяніе это прошлое.

Въ конечномъ счетѣ и пораженіе чревато побѣдой.

II.

Но побѣда не только возможна, вѣроятна—она вѣроятнѣе такого сулящаго грядущее торжество пораженія. Въ самомъ дѣлѣ: революціонныя силы еще тверды и велики. Онѣ постепенно все прочнѣе организуются. Онѣ становятся болѣе зрѣлыми и проникаются сознательностью. Онѣ готовятся къ послѣднему, рѣшительному бою.

Въ чемъ выразится этотъ бой? Трудно дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Быть можетъ, широкимъ потокомъ разольется непобѣдимая партизанская война, которая возьметъ противника измором, утомитъ и обезсилитъ его. Быть можетъ, массовое движеніе будетъ болѣе бурнымъ и интенсивнымъ и окажется наступательнымъ. Кто знаетъ. Но вѣроятнѣе первое, какъ показываютъ примѣры прошлаго.

Но побѣда, если она будетъ, поставитъ передъ побѣдителями новую, особую задачу. Необходимо будетъ ясно и точно формулировать эту задачу и, не отказываясь отъ ея полнаго осуществленія, въ то же время не увлекаться и за предѣлы возможнаго.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ извѣстной, популярной среди нѣкоторыхъ соціалдемократовъ идеей „перманентной революціи". Русскую буржуазную революцію разсматриваютъ какъ исходный пунктъ европейской соціальной революціи, въ результатѣ которой получится новое соціалистическое общество. Открывающаяся такимъ образомъ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ перспектива настолько широка и грандіозна, что невольно плѣняетъ умъ и горячитъ воображеніе. Но при всей соблазнительности этой перспективы мы должны по достоинству оцѣнить степень ея осуществимости. И прежде всего надо дать себѣ отчетъ въ томъ, возможна-ли соціальная революція въ теченіе ближайшихъ пяти или десяти лѣтъ? Переживаемъ-ли мы историческій канунъ соціальной революціи?

Я думаю, что на эти вопросы можно дать только отрицательный отвѣтъ, потому что не имѣется на лицо ни субъективныхъ, ни объективныхъ предпосылокъ соціальной революціи.

Начнемъ съ первыхъ. Никто не оспариваетъ, что

западно-европейскій крестьянинъ нимало не соціалистъ. Не то—говорятъ наши старые и молодые народники—нашъ русскій крестьянинъ *). Такъ-ли это однако? Нашъ крестьянинъ ведетъ, какъ извѣстно, и на общинныхъ земляхъ вполнѣ индивидуальное хозяйство. Напрасны были всѣ попытки—правительственныя, земскія, помѣщичьи, интеллегентскія—привить ему иныя производственныя привычки,—напримѣръ, ввести общественныя запашки. Крестьяне покупаютъ землю товариществами, но эти товарищества разлагаются на отдѣльныя индивидуальныя хозяйства, какъ только дѣло доходитъ до производства. Привычка къ общественному производству развивается капитализмомъ и только однимъ капитализмомъ,—въ ней воспитывается пролетаріатъ. Надежды на всякаго рода артели и производительныя кооперації давно пора оставить, потому что онѣ, какъ справедливо замѣтилъ Каутскій, являются шагомъ къ капитализму, а не къ соціализму, что въ сущности подтверждается и Давидомъ, когда онъ, разсказывая о датскихъ кооперативныхъ молочныхъ хозяйствахъ, отмѣчаетъ, между прочимъ, такіе факты, что въ составѣ товариществъ находятся крупныя помѣщичьи хозяйства, и что сплошь и рядомъ члены товариществъ превращаются въ значительной степени въ предпринимателей,—переработкой молочныхъ продуктовъ занимаются не они, а наемные рабочіе подъ руководствомъ наемныхъ техниковъ и управляющихъ.

Далѣе: капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ развивается гораздо медленнѣе, чѣмъ въ индустріи **), и

*) См. особенно брошюру г. Чернова «Къ теоріи классовой борьбы».

**) См. мою статью „Теоретическія предпосылки рѣшенія аграрнаго вопроса“ въ сборникѣ «Вопросы дня».

потому крестьянину легче сдѣлаться предпринимателемъ, хотя бы и мелкимъ, чѣмъ промышленному рабочему. Увеличить свою землю до такихъ размѣровъ, чтобы держать двоихъ—троихъ батраковъ, можно очень многимъ крестьянамъ. Въ эту именно сторону а не въ сторону соціализма, и направлены всѣ самыя горячія чаянія и желанія трудового крестьянства. Маленькій деревенскій буржуа, мелкій хозяйчикъ—вотъ идеалъ трудового крестьянина; инстинктъ собственника—вотъ движущая сила его хозяйственной энергіи.

И этотъ инстинктъ собственника поощряется и развивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у крестьянина есть земля и орудія производства, вслѣдствіе чего классовыя противорѣчія въ крестьянствѣ сглаживаются или, по выраженію Маркса, притупляются. Въ опроверженіе этого обыкновенно ссылаются на то, что наше крестьянство считаетъ землю „ничьей“ и „Божьей“, и что трудовая группа въ Государственной Думѣ и Крестьянскій союзъ высказались за образованіе всенароднаго земельнаго фонда. Но трудовая группа и и Крестьянскій союзъ дѣйствовали въ значительной степени подъ интеллигентскими вліяніями, что-же касается идеи, что земля ничья, Божья, то, какъ уже было мною указано выше въ этой же книгѣ, это—только идеологическая опора требованія „вся земля народу“, „вся земля трудящимся на ней“. Отсюда еще далеко до ясной и точной юридической конструкціи нормальныхъ отношеній къ землѣ. Всѣ эти идеи и требованія удобны какъ боевые принципы съ цѣлями завоеванія земли, какъ оправданіе захватовъ, но на нихъ не будутъ построены юридическія отношенія къ землѣ, послѣ того какъ она будетъ завоевана. Доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что не только польскіе, западнорусскіе, прибалтійскіе, южные

крестьяне въ лицѣ своихъ представителей въ Государственной Думѣ категорически высказались за право полной собственности на землю, но въ томъ-же смыслѣ дѣлали заявленія и нѣкоторые представители крестьянства средней черноземной полосы, какъ Бочаровъ, Кукановъ, Кондращукъ и другіе *). Не даромъ также крестьяне-общинники, покупая сообща землю, нерѣдко дѣлятъ ее затѣмъ въ частную собственность.

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что крестьянство въ огромной, подавляющей массѣ лишено соціалистическаго сознанія и привычки къ общественной организаціи производства. Но—скажутъ намъ—это и не важно: пусть себѣ крестьянство остается при своемъ мелкомъ, индивидуальномъ хозяйствѣ,—мы его не тронемъ. Мы введемъ соціалистическое хозяйство лишь въ крупныхъ предпріятіяхъ. Для этого необходимо, чтобы былъ соціалистическимъ, сознательнымъ сельско-хозяйственный и промышленный пролетаріатъ. Достаточно-ли сознателенъ этотъ передовой классъ современнаго общества, который по самой своей соціальной природѣ долженъ быть и будетъ соціалистическимъ?

Въ настоящее время, конечно, нѣтъ,—и не только у насъ въ Россіи, но и въ Европѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: въ Германіи организованныхъ рабочихъ въ профессіональныхъ союзахъ насчитывается 1 мил. 200 тыс. чел., въ соціалдемократической партіи 385 тысячъ. Каутскій и Бебель признаютъ преждевременной попытку произвести соціальную революцію. Во Франціи соціалдемократы насчитываютъ только 55 депутатовъ (я не считаю около 20-ти независимыхъ соціалистовъ). Въ Англіи только недавно

*) См. статьи г. Бѣлоруссова «Аграрный вопросъ въ Государственной Думѣ» въ газетѣ «Свободная жизнь».

образовалась самостоятельная соціалистическая партія. Она еще болѣе слаба въ Италіи и Австріи. У насъ въ Россіи въ настоящее время насчитывается не болѣе 150 тысячъ соціалдемократическихъ рабочихъ. Положимъ, многіе не примыкаютъ къ партіи изъ боязни преслѣдованій, но все-таки сознательные рабочіе—меньшинство и притомъ такое, которое далеко нельзя признать особенно значительнымъ. Въ русскомъ рабочемъ заложены добрыя сѣмена, но они должны еще пустить корни и взрости. Дѣло, несомнѣнно, пойдетъ быстро и успѣшно, но теперь масса русскихъ рабочихъ, конечно, еще не созрѣла до соціальной революціи.

Не надо забывать, наконецъ, что только тогда возможенъ будетъ соціализмъ, когда пролетарская масса будетъ обладать общимъ и техническимъ образованіемъ достаточнымъ для того, чтобы организовать производство на новыхъ началахъ. Всякій знаетъ, что этого нѣтъ. Недаромъ одинъ изъ нашихъ анархистовъ-максималистовъ Махайскій, проектируя немедленный соціалистическій переворотъ, представляетъ себѣ тотчасъ послѣ него такую организацію производства, при которой интеллигенція будетъ своего рода рабомъ рабочаго класса въ теченіе одного поколѣнія, чтобы тѣмъ временемъ слѣдующее поколѣніе успѣло получить надлежащее общее и техническое образованіе.

Субъективныя предпосылки соціальной революціи слагаются, конечно, на почвѣ объективныхъ ея предпосылокъ. Если нѣтъ на лицо первыхъ, то—можно смѣло сказать—не могутъ существовать и вторыя. И онѣ дѣйствительно не существуютъ. Извѣстно, что для торжества соціализма необходимо высокое развитіе техники, которое, съ одной стороны, дѣлило бы личную энергію предпринимателя quantité negligeable, съ другой—обезпечивало бы высокую степень благо-

состоянія общества, давало бы возможность отъ каждаго требовать по его силамъ и каждому давать по его потребностямъ. Что личная энергія предпринимателя, подгоняемая конкурренціей, въ настоящее время имѣетъ еще весьма большое значеніе,—это видно по судьбѣ такихъ кооперативныхъ предпріятій, какъ напр., стекляннный заводъ въ Альби во Франціи: онъ тащится въ хвостѣ капиталистическихъ предпріятій, а не ведетъ ихъ за собой, не стоитъ во главѣ, впереди ихъ *).

Можно-ли, съ другой стороны, говорить о достаточной для осуществленія соціальной революціи степени благосостоянія того общества, въ которомъ богатство на душу населенія едва достигаетъ 600 рублей, а доходъ 110 рублей въ годъ? **). Очевидно, если установить соціалистическій строй въ такомъ обществѣ, то получится не удовлетвореніе потребностей каждаго, а нѣчто среднее между монастыремъ, казармой и тюрьмой. Правда, на западѣ Европы скоплено болѣе богатствъ, средній годовой доходъ выше, и техника стоитъ впереди нашей, но и тамъ соціальная революція даже въ самыхъ передовыхъ странахъ можетъ обезпечить развѣ только мелкое мѣщанское существованіе. Богатства на душу населенія прихо-

---

*) Тов. Троцкій, возражая мнѣ въ своей книгѣ «Наша революція», впалъ въ очевидное недоразумѣніе, предполагая, что я считаю необходимой предпосылкой соціальной революціи широкое распространеніе кооперативныхъ предпріятій. Отнюдь нѣтъ. Я думаю только, что техническіе и экономическіе успѣхи отдѣльныхъ кооперативныхъ предпріятій могутъ служить показателемъ того, что технически и экономически все готово къ перевороту.

**) Mulhall, Industries and Wealth of nations. Цитировано по Озерову, Экономическая Россія. стр. 34—35: рѣчь идетъ о Россіи.

дится въ Англіи до 3300 руб., въ Соединенныхъ штатахъ 2350 р., во Франціи 2550, въ Германіи и Бельгіи 1600, въ Италіи 1000 руб. Средній годовой доходъ въ Соединенныхъ Штатахъ равняется всего 440 руб., въ Великобританіи 380, во Франціи 310-ти въ Германіи 250 и въ Италіи 140 рублямъ *).

Цѣль соціалистическаго общества состоитъ не въ томъ, чтобы создать жалкое и пошлое мѣщанское благополучіе. Тысячу разъ правъ былъ Гейне, когда говорилъ республиканцамъ-пуританамъ: „мы оснуемъ демократію земныхъ боговъ, равныхъ въ своемъ блаженствѣ и божественности. Вы требуете скромнаго одѣянія, суровыхъ нравовъ и дешевыхъ развлеченій, а мы наоборотъ, — мы хотимъ нектаръ и амброзію, пурпуровые плащи, всю роскошь благоуханій, танцы нимфъ, музыку, театръ... Не гнѣвайтесь, добродѣтельные республиканцы. На порицанія вашей цензуры мы отвѣтимъ словами Шекспировскаго сумасшедшаго: ты думаешь, что, если ты добродѣтеленъ, то на землѣ не должны существовать ни золотистые пироги, ни канарскія вина?“

III.

Итакъ, соціальная революція въ настоящее время и въ ближайшіе годы невозможна. Она мыслима и осуществима только черезъ нѣсколько десятилѣтій. Не мы и не наши дѣти осуществимъ ее, — это сдѣлаютъ наши внуки.

Если такъ, то русская революція не превратится въ перманентную и сохранитъ буржуазный характеръ. Мы должны съ этимъ считаться и никогда не имѣемъ

*) Mulhall, Industries and Wealth of nations; цитировано по Озерову, Экономическая Россія, стр. 34 - 35.

права забывать объ этомъ. Разумѣется, этимъ не исключается частичное разрѣшеніе нѣкоторыхъ пролетарскихъ задачъ.

Основной задачей пролетаріата въ буржуазной революціи является доведеніе до конца демократическаго переворота, осуществленіе полнаго, законченнаго народовластія. Было-бы огромнымъ шагомъ впередъ если-бы удалось осуществить полное народовластіе хотя бы на непродолжительное время: въ этомъ случаѣ даже при реставраціи реальная демократическая конституція была-бы обезпечена. Но, конечно, цѣль соціалдемократіи, какъ выразительницы интересовъ пролетаріата, должна заключаться въ томъ, чтобы *прочно*, а не на время только, утвердить полное народовластіе. Въ этомъ отношеніи мы никакъ не можемъ разсчитывать на реальное содѣйствіе со стороны городской буржуазіи—не только крупной (о ней и говорить нечего), но даже мелкой: она не пойдетъ до конца въ политическихъ требованіяхъ, хотя, конечно, примирится съ фактомъ, разъ онъ совершится. И трудно, прямо невозможно придумать средство, которое сдѣлало бы изъ буржуазіи ревностную, активную защитницу полнаго народовластія, тѣмъ болѣе, что активность этого класса вообще слаба. Поэтому тѣ соціалдемократы, которые такъ сильно жаждутъ „сочувствія общества“ (выраженіе тов. Плеханова), впадаютъ въ большую ошибку, потакая такимъ образомъ оппортюнистическимъ тенденціямъ этого „общества“, и незамѣтно для себя отрекаются отъ основной демократической задачи буржуазной революціи.

У насъ очень сильно распространено мнѣніе, что масса русскаго крестьянства привязана къ единовластію и отрицательно относится къ полному народовластію. До извѣстной степени это вѣрно, о чемъ приходилось уже говорить выше,—но именно только до извѣстной степени. Нѣтъ ничего менѣе прочнаго, какъ такія

чувства, и это можно бы подтвердить историческими примѣрами, если бы внѣшнія условія нашей печати тому не препятствовали. Дѣйствительность послѣдняго времени сильно пошатнула и подорвала эти чувства. И потому если найдется такой жизненный, насущный для крестьянства фактъ, который привяжетъ крестьянскую массу къ полному народовластію, то психологическій переворотъ въ данномъ отношеніи весьма возможенъ, даже несомнѣненъ. Задача соціалдемократіи заключается слѣдовательно въ томъ, чтобы всѣми силами содѣйствовать созданію положенія, дѣлающаго для крестьянства необходимымъ полное народовластіе.

Центръ тяжести рѣшенія этой задачи заключается, конечно, въ аграрномъ вопросѣ, въ аграрной программѣ и въ тактикѣ соціалдемократіи по отношенію къ крестьянскому движенію.

Тактическая позиція меньшевиковъ удивительно гармонируетъ съ аграрной программой, проведенной ими на объединительномъ съѣздѣ. Исходя изъ того совершенно вѣрнаго положенія, что побѣда въ революціонной борьбѣ зависитъ не только отъ чистоты и ясности классоваго сознанія и отъ организованности пролетаріата, но и отъ совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій съ другими классами общества, тов. Плехановъ неоднократно въ послѣднее время увѣщевалъ „изолировать реакцію“. Возможность для этого онъ видѣлъ только въ одномъ — въ поддержкѣ либеральной буржуазіи, забывая, что заботясь о такой поддержкѣ, понимаемой въ прямомъ смыслѣ, буквально, соціалдемократія можетъ и даже должна отречься отъ полнаго народовластія—своей основной задачи въ буржуазной революціи—и потерять содѣйствіе крестьянской массы. И въ соотвѣтствіи съ такой тактической линіей опредѣлилась и аграрная программа объединительнаго съѣзда.

Въ этой программѣ важно не то, что интересы сельско-хозяйственной буржуазіи—капиталистическаго земледѣлія—нисколько не пострадаютъ отъ частичной муниципализаціи земли (это и естественно: вѣдь мы остаемся въ рамкахъ буржуазнаго общества), а то, что аграрная программа объединительнаго съѣзда—въ той ея части, гдѣ проводится частичная муниципализація земли—во многомъ не соотвѣтствуетъ интересамъ и требованіямъ трудового крестьянства. Прежде всего завѣдываніе муниципализованной землей передается органамъ мѣстнаго самоуправленія, демократически избраннымъ населеніемъ не только деревень, но и городовъ. Едва-ли крестьянамъ будетъ пріятно и выгодно участіе горожанъ въ распоряженіи землей, хотя бы эти горожане были въ большинствѣ рабочіе. Затѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что муниципализованная земля перейдетъ въ пользованіе главнымъ образомъ не трудового, средняго крестьянства, которое не имѣетъ средствъ для того, чтобы арендовать ее, а буржуазіи. Пусть не говорятъ о томъ, что демократическіе выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія предотвратятъ это. Говорить такъ значитъ впадать въ фетишизмъ по отношенію къ всеобщему избирательному праву: извѣстно, что оно въ буржуазномъ обществѣ не обезпечиваетъ еще господство народныхъ массъ. Далѣе: крестьянство и не помышляетъ ни о какой муниципализаціи *). Наконецъ, замѣчательно, что аграрная программа объединительнаго съѣзда ни словомъ не упоминаетъ о передачѣ крестьянамъ земель,

*) Характерно, что, Каутскій, на авторитетъ котораго опираются иногда сторонники муниципализаціи земли, въ письмѣ къ тов. Маслову (см. «Правда» за 1906 г., февраль), говоритъ, что противъ муниципализаціи ничего нельзя имѣть, *если крестьянство за нее.* Послѣдней оговоркой онъ дискредитируетъ муниципализацію.

способствующихъ ихъ закабаленію (отрѣзковъ и т. д.); арендаторы муниципализованной земли будутъ, значитъ, имѣть возможность такъ-же закабалять крестьянъ, какъ это дѣлается теперь. Правда, въ программѣ значится пунктъ, устанавливающій законодательное запрещеніе кабальной аренды, но для всякаго ясно, что законодательная норма превратится въ фикцію, разъ не будутъ уничтожены экономическія условія, ей противорѣчащія. Если ко всему этому прибавить, что, согласно программѣ, опредѣленіе размѣровъ крупнаго, подлежащаго муниципализаціи землевладѣнія зависитъ отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, въ которыхъ, какъ только что указано, при буржуазномъ соціально-экономическомъ строѣ буржуазія большею частью будетъ имѣть перевѣсъ, какъ бы демократически мы ихъ ни составляли, и что, слѣдовательно, либеральные земцы смогутъ въ значительной степени сохранить свои земли, избавившись въ тоже время отъ конкурренціи крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, то аграрную программу объединительнаго съѣзда придется признать такой, которая можетъ и должна вызвать „сочувствіе общества“. Правда, въ ней нѣтъ „справедливой оцѣнки“, вмѣсто которой стоитъ непріятная „конфискація“, но вѣдь это только для себя неудобна конфискація, а если она примѣняется къ черносотенному дикому помѣщику да еще не по нашей, а по чужой иниціативѣ, то съ ней, пожалуй, можно и примириться.

Но ясно, что для крестьянства очень мало плѣнительна эта программа. Во всякомъ случаѣ средняго массоваго крестьянина она не можетъ связать съ полнымъ народовластіемъ, которое подаритъ насъ ея осуществленіемъ, по плану товарищей-меньшевиковъ.

Но можетъ быть эту связь устанавливаетъ проектъ націонализаціи земли, поддерживавшійся пода-

вляющимъ большинствомъ большевиковъ на томъ же объединительномъ съѣздѣ? Посмотримъ.

Я не знаю, насколько ясно товарищи, высказавшіеся за націонализацію земли, отдаютъ себя отчетъ въ смыслѣ и значеніи такого рѣшенія аграрнаго вопроса въ настоящее время. Для меня этотъ смыслъ и это значеніе несомнѣнны: націонализація земли—это прелюдія къ соціальной революціи; принять ее—значитъ признать, что соціальная революція совершится въ ближайшемъ будущемъ.

Безъ сомнѣнія, націонализація земли осуществима въ буржуазномъ обществѣ, но, какъ выражается Марксъ, лишь *на извѣстной ступени* развитія капитализма. На какой же именно ступени?

Такъ какъ одна изъ основныхъ особенностей капиталистическаго общества — товарное обращеніе, а націонализація земли исключаетъ землю, составляющую огромную цѣнность, изъ товарнаго обращенія, то ясно, что націонализація земли возможна лишь на той ступени развитія капитализма, когда капитализмъ начнетъ колебаться въ своихъ основахъ, изживетъ себя. Она возможна лишь въ историческій канунъ соціальной революціи. А я твердо убѣжденъ, что такой канунъ еще не наступилъ. Если такъ, то вотъ главное теоретическое основаніе, которое заставляетъ отвергнуть включеніе націонализаціи земли въ соціалъ-демократическую программу—минимумъ въ качествѣ очередной ближайшей мѣры. Она можетъ и даже должна значиться въ нашей программѣ, но только какъ одно изъ переходныхъ звеньевъ отъ программы минимумъ къ программѣ—максимумъ, только какъ мѣра второй, дальнѣйшей очереди.

IV.

Но помимо теоретическихъ соображеній противъ націонализаціи земли какъ ближайшей очередной мѣры заставляютъ высказаться и соображенія тактическаго свойства. Нѣтъ спора, что если бы все дѣло было въ одной тактикѣ, то эта послѣдняя не могла бы еще служить достаточнымъ основаніемъ для программныхъ требованій: программа должна строиться на болѣе прочномъ фундаментѣ, должна опираться на теорію, имѣющую въ виду одно незыблемое начало—интересы пролетаріата, какъ носителя и проводника въ жизнь соціалистическаго сознанія. Тактика должна представлять собою узоры, вышитые по канвѣ программы, должна быть органически связана съ программой, являясь въ то же время извѣстнымъ практическимъ выраженіемъ соотношенія реальныхъ общественныхъ силъ. Но мы вѣдь видѣли сейчасъ, что націонализація и муниципализація *) земли не выдерживаютъ критики съ чисто-теоретической точки зрѣнія. Если къ этому прибавить, что онѣ и тактически не оправдываются, то будетъ совершенно ясна настоятельная необходимость отъ нихъ отказаться.

Сторонники націонализаціи земли, какъ и всѣ вообще большевики, стоятъ на совершенно-правильной тактической позиціи, требуя совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій пролетаріата и крестьянства. Но это тактическое требованіе какъ разъ и не вяжется съ программнымъ требованіемъ націонализаціи земли, потому что націонализація земли предполагаетъ близость соціальной революціи, а крестьяне въ своей массѣ нимало не со-

*) О муниципализаціи земли см. еще брошюру тов. Ленина «Пересмотръ аграрной программы» и послѣднюю главу моей статьи «Теоретическія предпосылки рѣшенія аграрнаго вопроса» въ сборникѣ «Вопросы дня».

ціалисты и къ соціальной революціи нисколько не расположены, а слѣдовательно не будутъ сочувствовать и націонализаціи земли. Если мы попробуемъ провести въ жизнь соціализацію (какъ и муниципализацію) земли, то мы не привлечемъ къ себѣ массы трудового крестьянства и, слѣдовательно, не утвердимъ, а погубимъ полное народовластіе—эту великую, самую важную нашу цѣль въ демократической революціи. Для всякаго ясно, насколько это затруднитъ дальнѣйшую борьбу за соціализмъ и на какое продолжительное время задержитъ ея успѣхи.

Надо прочно привязать крестьянство къ режиму полнаго народовластія. Единственное средство для этого—сдѣлать такъ, чтобы этотъ режимъ далъ трудовому крестьянству такія блага, которыя были бы для этого крестьянства особенно дороги и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно были бы утрачены или чрезвычайно сильно уменьшены съ уничтоженіемъ полнаго народовластія.

Чего хочетъ крестьянство? Въ разныхъ частяхъ Россіи оно хочетъ разнаго. Въ центральной черноземной полосѣ, гдѣ особенно господствуетъ кабальное хозяйство, крестьяне желаютъ передачи въ ихъ руки на правѣ частной собственности или общиннаго владѣнія всей земли. На западѣ и югѣ Россіи и въ Польшѣ трудовое крестьянство желаетъ отчасти прирѣзки земли, отчасти улучшенія условій наемнаго труда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Гуріи, гдѣ соціалдемократія пустила глубокіе корни, крестьянство и батраки желаютъ отчасти передачи всей земли въ ихъ полную собственность, отчасти (въ Прибалтійскомъ краѣ) удовлетворенія своихъ пролетарскихъ требованій и иногда организаціи крупнаго кооперативнаго сельскаго хозяйства въ имѣніяхъ, отобранныхъ у помѣщиковъ.

Можетъ ли соціалдемократія, какъ партія пролетаріата, имѣть что-либо противъ этихъ требованій крестьянства? Конечно, нѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ: передача въ руки крестьянъ всѣхъ земель тамъ, гдѣ ведется кабальное хозяйство, въ интересахъ пролетаріата, потому что этимъ уничтожаются отсталыя докапиталистическія хозяйственныя формы, а пролетаріатъ — врагъ всякихъ регрессивныхъ явленій въ хозяйственной жизни и горячій сторонникъ экономическаго прогресса, приближающаго эпоху торжества соціализма.

Совершенно соотвѣтствуютъ интересамъ пролетаріата и выставляемыя въ областяхъ съ преобладающимъ капиталистическимъ сельскимъ хозяйствомъ требованія прирѣзки земли и улучшеніе условій наемнаго труда, причемъ первое требованіе—экономическое обезпеченіе второго. Высказываются иногда опасенія, что крестьянство въ этихъ областяхъ раздѣлитъ всѣ крупныя хезяйства и тѣмъ понизитъ экономическій и техническій уровень сельскаго хозяйства. Эти опасенія мнѣ кажутся совершенно напрасными, обличающими только недостаточную твердость тѣхъ, кто ихъ выражаетъ въ матеріалистическомъ пониманіи явленій общественной жизни: мы должны быть глубоко и твердо убѣждены, что тамъ, гдѣ крупное капиталистическое сельское хозяйство стоитъ дѣйствительно прочно, содѣйствуетъ экономическому прогрессу,—крестьяне и батраки не уничтожатъ его; будутъ уничтожены только недостаточно-раціональныя экономически и технически хозяйства, а о такихъ жалѣть во всякомъ случаѣ не приходится.

Наконецъ, мы не можемъ отвергать и кооперативныя попытки. Пусть дѣлаютъ ихъ, если хотятъ. Онѣ важны для насъ какъ показатель того, насколько экономическая дѣйствительность созрѣла для коопера-

тивнаго хозяйства. Мы предупредимъ только товарищей, увлекающихся кооперацiей, что послѣдняя—путь къ капитализму, а не къ соціализму, и что нельзя мечтать о созданіи соціалистическихъ островковъ въ капиталистичномъ морѣ и о связанномъ съ этимъ реформизмѣ.

Всѣ эти крестьянскія и батрацкія требованія находятся такимъ образомъ въ полномъ соотвѣтствіи съ аграрной программой второго съѣзда, правильно понятой и истолкованной. Этой программы *) и только ея одной и должна держаться соціалдемократія какъ программы-минимумъ въ аграрномъ вопросѣ. Правда, нѣкоторые товарищи называютъ ее „кадетской“ и „умѣренно-либеральной“, но это происходитъ оттого, что они игнорируютъ принципіальный ея характеръ (уничтоженіе докапиталистическихъ формъ хозяйства) и даровую, безъ выкупа передачу земли крестьянамъ. Правда и то, что иногда указываютъ на невозможность полнаго уничтоженія кабалы до соціальной революціи, но тутъ простое недоразумѣніе или натяжка: такъ тов. Наумовъ **) подъ кабалой разумѣетъ не только крѣпостническую эксплуатацію рабочихъ силъ крестьянства, но и капиталистическую эксплуатацію въ тѣхъ случаяхъ, когда результатомъ ея является прибыль, превышающая обычную норму; тов. Наумовъ забываетъ, что обычная норма прибыли—теоретическая категорія, и опредѣлить превышеніе ея конкретно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ невозможно; такимъ образомъ тов. Наумовъ, ставя за одну скобку крѣпостническую кабалу и капиталистическую эксплуатацію, говоритъ въ сущности о невозможности уничтожить капиталистическую эксплуатацію въ буржуаз-

*) См. мою статью «Проектъ соціалдемократической аграрной программы» въ сборникѣ «Текущій моментъ».

сборн кѣ «Вопросы дня».

номъ обществѣ. Это—трюизмъ, не относящійся къ дѣлу.

Отстаивая программу второго съѣзда въ правильномъ ея пониманіи, я хотѣлъ бы еще разъ подчеркнуть въ заключеніе необходимость держаться ея по тактическимъ соображеніямъ, выше изложеннымъ. Только въ такомъ случаѣ русская революція можетъ достигнуть полнаго успѣха, и притомъ успѣхъ этотъ будетъ и возможно болѣе скорымъ, а слѣдовательно и сопряженнымъ съ возможно меньшими жертвами.

Осуществится ли то, что составляетъ наши завѣтныя цѣли? И если осуществится, то какъ именно это произойдетъ? Отвѣтъ на эти вопросы дастъ уже недалекое будущее *).

*) Настоящая книжка была уже напечатана, когда появилась превосходная книжка тов. Базарова «Анархизмъ и марксизмъ», гдѣ есть новыя убѣдительныя доказательства невозможности сейчасъ соціальной революціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Предисловіе . . . . . 3—4

Глава первая. Происхожденіе революціи . . 5—24

I. Особенности хозяйственнаго, соціальнаго и политическаго развитія Россіи до половины XIX вѣка 5—10. II. Быстрота экономическаго развитія во второй половинѣ XIX вѣка и отсталость соціальныхъ отношеній и особенно политическаго строя 10—11; торгово-промышленная буржуазія и самодержавіе 12; самодержавіе и капиталистическое сельское хозяйство 12—13; отношеніе мелкой городской буржуазіи къ самодержавію 13 — 14; настроеніе крестьянства 14; пролетаріатъ 14—15. III. Развитіе политическаго сознанія: декабристы 15—16; система оффиціальной народности 16; славянофильство 16—17; западничество 17—18; Герценъ 18; Лавровъ, землевольцы и народники 18—19; народовольцы 19—20; соціалисты-революціонеры 20; соціалдемократы 20. IV. Пробужденіе политическаго сознанія въ массахъ: рабочее движеніе 21—22; крестьянское движеніе 22; студенческія волненія 22—23; земскій либерализмъ 23—24.

Глава вторая. Организація оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ . . . . . 25—34

I. Значеніе 9-го января 25; организація пролетаріата 25—27. II. Обостреніе крестьянскаго движенія 27—28;

организація Крестьянскаго союза 28—29. Ш. Организація буржуазіи: распаденіе земскаго блока 29—30; Союзъ освобожденія и конституціонно-демократическая партія 30—31; отдѣленіе лѣвыхъ освобожденцевъ 31—32 IV. Дезорганизація реакціи 32; булыгинская Дума 32; отношеніе къ ней разныхъ классовъ общества 32—34.

Глава третья. Героическая попытка ниспорверженія старой власти . . . . . 35—52

I. Общій обзоръ событій 35—37. II. Результаты октябрьской забастовки: въ деревнѣ 38—39; въ городахъ 39—42. III. Особенности движенія въ Москвѣ 42—43; типъ московскаго рабочаго 43—45; связь декабрьскихъ событій съ октябрьскими 45. IV. Характеръ московскаго возстанія 46—47; почему Петербургъ не поддержалъ Москвы? 47—48. V. Послѣдствія декабрьскаго возстанія и его значеніе 48—52.

Глава четвертая. Періодъ конституціонныхъ иллюзій . . . . . 53—78

I. Организація реакціонныхъ группъ 53—54; союзъ 17 октября 54—56. II. Реакція въ земствахъ и думахъ 56—57; кадетская агитація 57—58; конституціонныя иллюзіи городской мелкой буржуазіи и побѣда кадетовъ на выборахъ 58—59. III. Окончательная организація к.-д. партіи 59—60; дѣятельность кадетовъ въ Думѣ 60—62. IV. Крестьянскія настроенія 62—65; крестьянское движеніе 66—67. V. Пролетаріатъ и его отношеніе къ положенію дѣлъ: сознаніе массы 67—68; тактика меньшевиковъ 68—69; бойкотъ и его основанія 69—72; постановленія объединительнаго съѣзда 72. VI. Дѣятельность первой Думы: соціалдемократическая фракція 72—73; заслуги Думы 73; кадетскія законопроекты и кадетская тактика 73—74; причина неудачи Думы 74—76; кадетская тактика послѣ разгона Думы 76—78.

Глава пятая. Текущій моментъ . . . . . **79—102**

I. Аграрная политика правительства 79—82. II. Развитіе крестьянскаго движенія и настроеніе крестьянства 83—85. III. Вопросъ объ экономическомъ кризисѣ и настро-

еніе пролетаріата 85- 87. IV. Настроеніе мелкой буржуазіи 87—88; отказъ отъ тактики бойкота 88; вопросъ объ избирательныхъ соглашеніяхъ 88—96; вопросъ о партійномъ съѣздѣ 96—97; вопросъ о рабочемъ съѣздѣ 98—102.

Глава шестая. Будущее русской революціи . . . . . 102—122

I. Двѣ возможности въ будущемъ 103; возможность прекращенія революціи и результаты этого прекращенія 104—105. II. Возможность побѣды 105—106; возможна ли соціальная революція 106—112. III. Основная задача пролетаріата въ буржуазной революціи 112—114; меньшевистская тактика и аграрная программа объединительнаго съѣзда 114—116; проектъ націонализаціи земли 116—117. IV. Тактика соціалдемократіи въ отношеніи къ крестьянскому движенію, аграрная политика соціалдемократіи и основная задача пролетаріата въ буржуазной революціи въ ихъ взаимной связи 118—122.

Необходимыя поправки.

Авторъ, лишенный по независящимъ отъ него обстоятельствамъ возможности лично держать корректуру книжки, извиняется передъ читателями за опечатки и проситъ, прежде, чѣмъ читать книгу, сдѣлать слѣдующія совершенно необходимыя исправленія главнѣйшихъ изъ нихъ:

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать
17-я	2-я снизу	Васильевича	Веселовскаго
43-я	14-я и 15-я сверху	державнаго	душевнаго
43-я	10-я снизу	въ цѣлесообразности государства	въ цѣлесообразности перестройки государства
46-я	10-я сверху	ее	ихъ
46-я	17-и и 18-я сверху	Послѣдніе	Послѣднее
46-я	19-я и 20-я сверху	Живодернѣ	Живодеркѣ
50-я	15-я снизу	нонѣ	нашъ
50-я	2-я снизу	рабочія	робкія
51-я	6-я снизу	тоже	такое
57-я	11-я снизу	крыломъ	концомъ
60-я	16-я снизу	mauvars	au mauvais
63-я	2-я снизу	Они нашли	Она нашла

Вышли въ свѣтъ:

Цѣна

Р. Люксембургъ. — Соціальная реформа или революція. . . . . 35 к.

Н. Рожковъ.—Судьбы русской революціи . . 50 к.

На складѣ имѣются изданія Книгоиздательства „Т-во Міръ“ въ Москвѣ.

Заказы исполняются наложеннымъ платежемъ.

Цѣна 50 коп.

Складъ изданій: Николаевская, 33.

Электропечатня Я. Левенштейна, Екатеринг., 10—19.